ПОКОЛЕНИЕ

№2 (11) 2015

Ты тайно говоришь сам с собою;
но слова твои оцениваются на небе.
Потому оттуда приходят к тебе ответы.

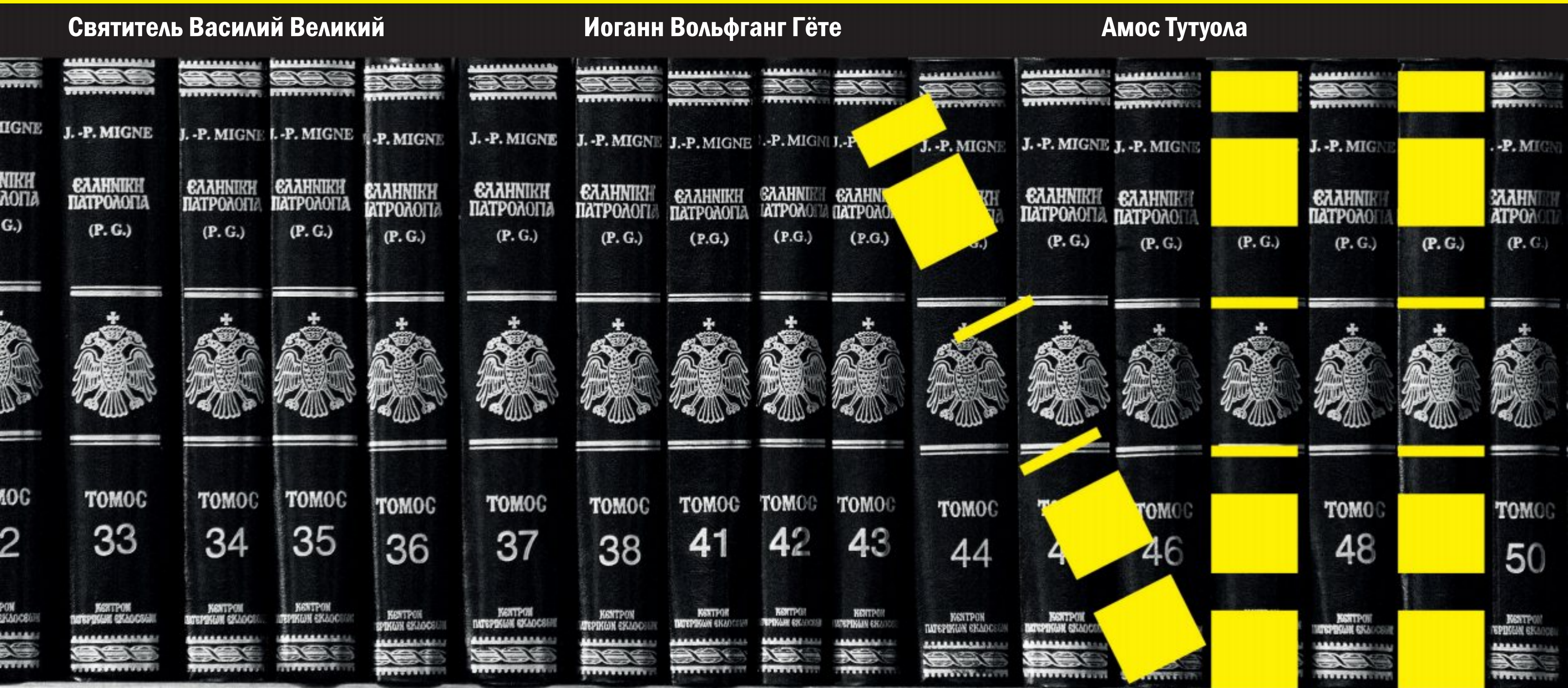
Святитель Василий Великий

Хочешь летать – и боишься,
что голова закружится?
Мы ли тебе навязывались или ты нам?

Иоганн Вольфганг Гёте

Любая, даже самая
малюсенькая, тварь не слишком
мала, чтобы помогать другим.

Амос Тутуола

ответственность и смыслы

http://поколение.бел

ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ

ПОКОЛЕНИЕ 2 (11) 2015

Photo S. Chapnin

фото softenedbell.blogspot.ru

Елена Бабич

Главный редактор

ЧУДО НОМЕР НОЛЬ

Готова стать юбилейным десятимиллионным человеком, который восхищается тропарём Рождества. Возможно, вскоре я искушусь каким-нибудь более сложным, тонким и тихим творением вроде стихиры инокини Кассии, но это будет не сегодня.

Просто скоро Рождество. Самое время послушать музыкальную подборку из Фрэнка Синарты, украинских колядок и рекламы «Кока-Колы». Могу продать совет: у нашего «Палаца» тоже есть кое-что по теме. Словом, Рождество Христово – один из самых вдохновляющих праздников, если только не самый.

Когда вас последний раз спрашивали про первое чудо Спасителя? Не думаю, что это случалось хоть однажды после окончания воскресной школы, если таковая была в вашей жизни. Но если бы спросили, ответ ваш известен – превращение воды в вино во время брачного пира в Кане Галилейской. «И это значит, что Христос не чужд радости, – начнёте вы. – И это подтверждает, что брак свят, – продолжите вы. – И это говорит о том, что Бог милостив, – закончите вы. – Ничего более удивительного прежде во время земной жизни Господа не происходило!»

Или всё же происходило?

Самое совершенное творение Рождества в самой совершенной форме рассказывает ещё об одном неофициальном чуде – о превращении язычников в христиан с помощью языческого «инвентаря». Четыре строчки, посвящённые всему миру, которые стали и фактом одной конкретной ночи, и пророчеством, которое продолжает «заквашивать вселенную», и поэтической формой, каждое слово в которой добросовестный постмодернист смог бы разложить на тысячи смыслов. И все они слились бы в один большой Смысл, от Которого исходит всё.

Не знаю ничего, что было бы насыщено словом «свет» больше, чем рождественский тропарь. Даже слова, в которых нет «яркого» корня, связаны с ним по смыслу. «Возсия мирови свет разума» – почти избыточность света. Сияющий свет, да ещё и разум, который сам по себе есть средство просвещения. И ведь заметьте тонкость перевода – не «ум», а именно «разум». Когда говорят «зашёл ум за разум», имеют в виду, что некто лишился здравого смысла, может быть, ум ещё в порядке, но трезвости в поступках и взглядах уже нет. И что же случилось в Рождество? Мир наконец очнулся, пришёл в себя. Во всяком случае, у него появился такой шанс, потому что пришёл Тот, Кто делает явным всё, что было скрыто покровом ночи: Свет, Который вспыхнул и обнажил тайное, чтобы обитатели мира увидели Истину.

«Звездам служащии, звездою учахуся, Тебе кланятися Солнцу правды». Эта известнейшая строка почти так же уничтожает языческие представления о мироустройстве, как то, что произошло в четвёртый день творения, когда Бог «повесил» на небе два больших и

много маленьких «светильников» с вполне утилитарной целью. Пророк Моисей как будто специально указывает на их незначительность и тварность, чтобы не возникало соблазна грешным делом поклониться разок великому и ужасному канделябру. Вот и в евангельской истории звезда используется по одному из своих прямых бытийных назначений – «для знамения». Поклоняться ей после этого? Увольте.

Впрочем, мы начали о свете, и его в этой фразе не меньше, чем в предыдущей. Потому что на фоне мелкой, рассыпанной по обозримому небу манны крошечных звёзд восходит огромная Звезда – Солнце, которое ни в какое сравнение не идёт со своим зернистым фоном, и если уж кому и поклоняться, то Ей. «Ей, Ей, товарищи язычники, больше некому!» – просто вопит тропарь. Только вот сюрприз: Она – это не светильник, Она – «Солнце правды». Со светом Солнца всё понятно, но пусть бросит в меня камень тот, кто скажет, что у слова «правда» нет значения, соотносимого со словом «свет». Небесное солнце – это метафора Бога, настоящее же, правдивое Солнце – Он Сам. Правда – это то, что открывается благодаря свету. И снова же, у правды и света одна функция – рассеивать ложь. Как в пословице из закромов Даля: «Правда-матушка светла живёт, ложь под тыном прячется».

«И Тебе ведети с высоты Востока» – «И знать Тебя, Восток свыше». Идеальный тропарь не похож на эту статью, он лаконичен, точен – в нём нет метафор и вообще какой-либо приблизительности. Например, если мы говорим, что «Бог есть Любовь», мы же не имеем в виду, что Любовь – это метафора Бога. Мы считаем Любовь прямым определением без игры слов, без красивостей. Но определение тоже может быть ярким. Думаю, с Востоком произошло то же самое. Это слово – «пучок, из которого смыслы торчат в разные стороны». Оно «тропарски» лаконично и гимнографически многозначно. Рождение, возрождение, появление, пробуждение, красота, обновление мира, то, что наступает после ночи, то, что приносит с собой свет. Чтобы не перечислять все эти качества, нужно сказать просто: «Тебя, Восток».

Всё это – филологические изыскания, которые помогают увидеть полноту смысла простых и сильных слов. Почему «восток», «свет», «правда», «солнце» и «разум» появились в тропаре Рождества? Найти ответ легко, особенно если читать Писание чаще, чем «Поколение». Я же только напоминаю нам всем: православие по-прежнему может вдохновлять гораздо больше, чем рождественская реклама «Кока-колы». «Если это понять, то найдёшь такой источник вдохновения, любви и храбрости! – сказал один из героев интервью этого номера, – Короче говоря, без Бога грустно». Только потом захотел, чтобы я убрала последнюю фразу. Ну, я ведь убрала, верно?

P.S.: Обещаю больше ничем не восхищаться в своих статьях и быть нормальным журналистом, нести ответственность за каждое слово, сказанное с притязанием, и искать смыслы в феноменах окружающей действительности. Если кто не понял, это был реверанс в сторону темы номера.
Хм... Надо будет выступить с этим внезапным манифестом на «Конкурсе внезапных манифестов».

фото Юрия Деглау

АНФАС

Христианство освободило личность. Христианство возвестило, что личность уникальна, не сводима на общность, ответственна перед Богом напрямую и лично Богом любима. Эта прививка личного самосознания – становой хребет нашего самоуважения и мыслей о человеческом достоинстве. Добрый Пастырь Своих овец зовёт по имени.

Протоиерей Андрей Ткачёв

Елена Бабич

священник Вячеслав Гапличник

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КАРЛА АЛЛЕНА

Это одно из тех интервью, которые случаются в нужное время, заканчиваются лучше, чем начинаются, и за пределами которых остаётся больше, чем заключено в пределах. А ещё в таких текстах, надеюсь, есть три хорошие составляющие: полезно читателю, полезно герою, полезно автору. При этом вы читаете не самое лучшее в мире интервью. Но читайте: привлечь автора к ответственности можно всегда.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

– Когда мы договаривались о встрече по телефону, помните, что я ответила вам на вопросы, касающиеся интервью? «Не относитесь к этому серьёзно». Скажите, только я считаю вас таким ответственным?

– Да *(улыбается)*. Что, я произвожу впечатление ответственного человека?

– Стало быть, производите.

– Вот, например, когда меня благословили на строительство храма, думал, ни за что не справлюсь. Это такая ответственность, такое дело важнейшее! Как я могу даже взяться за него? Долго не выдержу, год буду заниматься стройкой, потом меня освободят – я так думал. А потом понял, что надо учиться жить по Евангелию – одним днём: делай сегодня то, что ты можешь, а завтра узнаешь, как быть дальше. Прошло уже 11 лет строительства, это очень сложно, но я совсем не жалею. Не могу не замечать того хорошего, что Бог дал.

– В какой момент, как вы думаете, начинаешь любить ответственность?

– Не знаю, можно ли ответственность любить по-настоящему. Просто когда ты себя понуждаешь, знаешь, что это Богу угодно и вообще полезно, в ответ на внешнее приходит внутреннее. Есть

такой закон духовной жизни: ты себя заставляй молиться, и тогда приходит настроение, внутренняя к этому расположенность.

– А если есть ответственность и вы чувствуете, что дело бессмысленное?

– Когда я ещё только начал служить, обратил внимание на одного батюшку. На него постоянно какие-то послушания накладывали: и это твоя ответственность, и это ты делай, и здесь ты окормляй, и тут ты храм строй. Он никогда ни от чего не отказывался. Всё, на что его благословляли, он спокойно, смиренно начинал делать. Переживал, тоже испытывал трудности. И я у него спросил: «А ты не боишься? Может быть, надо отказываться от каких-то послушаний? Может быть, священноначалие чего-то не знает о твоей жизни?» Он ответил: «А я понял одну истину: не надо просить послушаний, но не надо и ни от чего отказываться. Если будешь отказываться – всё можешь потерять. А будешь принимать – Господь даст благодать и ты успеешь гораздо больше, то, чего ты от себя даже не ожидал». Действительно, я увидел, что Господь столько ему даёт, что невозможно человеку приобрести это своими усилиями – так всё складывается, таких людей ему посылает навстречу!

– Это если всё хорошо, а если нет?

– Выгорание, наверное, есть у каждого человека. Да и Господь попускает нам сомнения, чтобы мы не гордились. Если человек выполняет бессмысленную работу, он может впадать в уныние.

– Вы же говорите, не надо отказываться.

– Иногда стоит ставить вопрос.

– Или мы просто не знаем смысла?

– И так бывает.

– А у вас?

– У нас как? Тебе дают работу, и от того, что ты скажешь «я не вижу в этом смысла»... Надо определиться, кто управляет епархией: я сам – или владыка и епархиальный совет.

– Я не говорю сейчас о том, что мы будем отказываться от этого, я говорю о состоянии, в котором находится человек, имея и то, и другое.

– Иногда человек принимает на себя самодельные кресты, то есть его не просили делать...

– Хорошо, его попросили сделать!

– Бессмысленное что-то?

– Для него – да.

– Хорошо, тогда я считаю, что надо всё обсудить с человеком, который тебе это поручил. Мы же в Церкви не безгласные рыбы, у нас соборность вообще-то, а это значит, что люди должны вести диалог, должны высказывать свои сомнения. Может быть, диавол так закрутил человека в дурных мыслях, что их надо открыть духовнику или епископу и разобраться во всём. Мы, конечно, боимся, чтобы не подумали, что мы проявляем леность или малодушие, поэтому говорим о своих сомнениях. А о них надо говорить.

У нас в приходе был такой случай. Я дал послушание одной девушке – попросил, чтобы она мне помогала решать вопросы по стройке. Но долго не замечал, что для неё это непосильный крест – она от этого впадала в уныние. Она, конечно, всё делала старательно и были плоды, но в конце концов я освободил её от послушания. Когда мы начали обсуждать ситуацию, я увидел, что ей крайне сложно – зачем мне человека ломать?

СВОЯ БОЛЬНИЧКА

– Если люди приходят к вам с, мягко говоря, несамостоятельными вопросами, как вы поступаете? Решаете их проблемы?

– В Церкви есть люди, которым нужно давать конкретные ответы. Человек не спрашивает «почему?», он спрашивает: «Мне читать все вечерние молитвы или только половину?»

– Вы ведь понимаете, что ответа нет.

– Почему нет? Да, кому-то надо только одну молитву читать. И больше не надо пока. А есть люди, которые имеют проблемы с психикой. С ними не

надо уходить ни в какую глубину. Они ждут «да» или «нет». Наоборот, нужно отвечать просто: «Мне ехать?» – «Ехать». – «Хорошо».

– При этом есть и люди, которые выглядят совершенно нормально, но тоже спрашивают «ехать или не ехать?». Ответ будет в форме совета или «решай сам»?

– Я в таких случаях чаще всего спрашиваю: «Вы какое решение приняли? Ехать? Ну, тогда Господь да поможет вам».

– Вы делаете что-нибудь для того, чтобы люди были свободны в своих действиях?

– Есть вещи, которые человек должен переболеть сам: он должен ошибиться, у него должно не получиться – и он найдёт ответ на свой вопрос. Я не боюсь говорить, что не знаю ответа на вопрос. Попробуйте так или так, подумайте сами. Мудрость же приходит после падений, заблуждений.

– Бывает ли такое, что вы сами отвечаете за тех, кого приучили быть безответственными?

– Бывает, к сожалению. У каждого врача есть своё кладбище, да? У каждого священника тоже есть своя больница – люди, которым ты не смог помочь. Раненые или покалеченные из-за наших ошибок. Святой Иоанн Златоуст сказал достаточно суровые слова: «Не думаю, что из священников много спасающихся». Наверно, это потому, что очень многое зависит от нас.

– Как на вас сказывается то, что вы ответственны за решения других?

– Да вы знаете, есть то, за что совесть долгие годы мучит. Если я не успел вовремя подсказать. Мог бы, но не успел вовремя исповедовать человека, который потом умер. Или, например, настаивал на том, чтобы люди поженились *(улыбается)*. Ну как настаивал? Я их познакомил и сказал: «Думаю, что вам было бы хорошо вместе». Начали встречаться, поженились, а теперь они меня терпеть не могут.

– Предположим, здесь мера ответственности за решение, которое вы советуете, делится поровну на вас троих. Всегда ли так думают те, кому вы советуете?

– Вот эти люди думают, что я виноват в том, что у них тяжёлый брак. С моей стороны тоже была ошибка, я не должен был… Я не люблю никого знакомить, я не знакомлю больше. Сначала в братстве молодёжном почти сразу шесть пар образовалось – склеились. А сейчас я уже никого не знакомлю, и если меня просят: «Познакомьте меня с той девушкой», я говорю: «Знакомьтесь сами, я не хочу».

«РАСПЯЛИ, НО НЕ СИЛЬНО»

– Чего вы ещё больше не делаете?

– Я стараюсь не надевать на себя маску благочестия, не делать вид, что у меня нет грехов, которые есть у других людей, что я лучше, что я умею молиться. Мне думается, что люди должны понимать, что священник из такого же теста вылеплен, ему тоже бывает трудно и плохо, он тоже ошибки совершает, и молиться умеет не всегда, как и каждый. Не надо стесняться говорить «я не умею», «я стараюсь», «я учусь».

– Вам тяжело говорить о себе?

– Тяжело. Потому что мне кажется, что это нескромно, и я всё равно хочу похвалиться где-то и не хочу говорить про себя плохое.

– Вы всегда настроены на проповедь или можете просто разговаривать?

– Могу просто разговаривать. Время какое-то должно пройти, тогда я привыкну к разговору. Но, конечно, привычка есть всегда везде проповедовать.

– Может, не всегда нужно это делать?

– Согласен.

– Когда не нужно?

– Да вот в таком случае и не нужно. Надо просто говорить о своих мыслях.

– Мне кажется, вы как-то изменились за последний…

– Год?

– Возможно, год.

Протоиерей Вячеслав Гапличник

Родился 3 июля 1981 года в Докшицах. Окончил Минскую Духовную Семинарию. В 2004 рукоположен в сан священника епископом Гродненским и Волковысским Артемием. С 2005 года ответственный за строительство храма в честь прмч. Афанасия Брестского в Гродно.

В строящемся храме

– Изменился. Были в жизни провалы, потери, поэтому я перестал гордиться, мне так кажется. Теперь я понимаю… Понимаю, правда, – не ради проповеди говорю – что Господь нас всех терпит. Мне исполнилось 33 в прошлом году – 10 лет служения. И для меня это был такой рубежный период, когда что-то ёкнуло. Когда-то думал, что самое важное – в будущем: я стану учёным или великим проповедником, маститым настоятелем; это всё будет там, а сейчас я только начинаю. И я вот осознал, что на самом деле жизнь-то давно началась и очень много главного и важного уже прошло, а ты так и не понял, что этого нельзя было упустить.

– Если какой-то человек стал меньше гордится, что меняется в его поведении?

– Я думаю, что Богу больше места действовать в сердце такого человека. Он больше доступен для других людей. Тот, который гордый, к нему ж не подойдёшь – с ним тяжело общаться, потому что он уверен в своей правоте.

ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ?

– Однажды, когда я посчитала, что сказала резкость, спросила у православного юноши: «Ты не обижаешься?» – «Обижаюсь? Как я могу обидеться, это же для христиан невозможно!» Мне стало жалко этого парня. Или он прав?

– Это очередная маска, наверное, – «я не обиделся». Если б всё было так просто. Я знаю как надо, но я не исполняю – у всех нас так. Услышал однажды мысль интересную от одного нашего священника: «Я понял, почему в православной Церкви такие строгие посты: и сухоядение тебе, и ничего не ядение – потому что это исполнить невозможно». Если бы мы всё это исполнили, то сразу бы задрали нос. А так невозможно, и это оставляет место для смирения. Это на высоте духовной жизни можно избежать искусственности, неискренности, а так никто не должен рисовать себе «розовое» христианство.

– Слово «должен» – оно полезное?

– А как иначе? Без этого невозможно. Есть же такие состояния, когда человек говорит «я не могу». Знаю, что так надо, но не могу. И всё равно ответ будет «должен».

– «Должен» – когда я говорю себе и не в слух. Но бывает и такое: я тебя огорчил, но ты «должен» смириться. Начинается чехарда с передачей ответственности.

– Другому человеку ты можешь сказать «лучше было бы». Отец Николай Гурьянов на сомнительные вопросы отвечал: «Ну, лучше не надо» – ответ святого.

– Знаю, что такая «чехарда» распространена, например, в братствах. Вот откуда столько извращённых пониманий? Один говорит, что он не может обидеться, другой – «ты должен смириться».

– Приходя в Церковь, человек приносит сюда свой светский опыт. Если он привык в миру лицемерить, значит, он и в Церкви от этого не сразу избавится. Знаете старую шутку о том, как православные ругаются: ссорились, ссорились, а потом: «Ну, спаси тебя Господи», – «Не-ет, это тебя спаси Господи!» Вот это из той же оперы.

– Человеку предлагают взять ответственность, и он понимает, что по-хорошему нужно её взять, но не очень-то хочется. Человек имеет право не хотеть?

– Господь дал ему такое право: хотеть – не хотеть. Другое дело, что человек может с этим нехотением побороться и увидеть смысл.

– Обязательно ли бороться? Вот я вам звоню и говорю: «Давайте завтра поговорим насчёт ответственности», а вы говорите: «Не хочу». Это нормальное поведение или нет?

– Думаю, что не нормальное. Потому что если я буду делать только то, что хочу, так что будет со мной и с моей жизнью?

– Но всё же не хотеть я могу.

– Могу, но иногда надо делать то, чего не хочешь.

– В том, что я предлагаю, а вы не хотите, есть грех или нет?

– Если я не хочу делать полезное для другого человека или что-то связанное с духовной жизнью, наверное, это грех. В данном случае человек отказывается от интервью, хотя, может быть, это станет проповедью. Это кому-то даст хорошие мысли. Если это священник, то он не имеет права отказываться проповедовать. У митрополита Антония Сурожского в Великобритании тоже сначала плохо получалось проповедовать на английском. Кто-то из старых священников сказал: «Владыка, вы всё равно проповедуйте». Ну и что – идите на эту конференцию с листочком, но проповедуйте. Митрополит Антоний пошёл на радио, пошёл в большие залы, говорил косноязычно, потом постепенно Господь дал ему сил – и люди пришли в Церковь в ответ на такую простую проповедь. Вот почему люди часто не хотят давать интервью в СМИ? Они говорят: «Что я скажу? Я ничего интересного не знаю, я косноязычный». Ну не тебе ж решать, ну скажи! Отказываешься – какое-то здесь есть малодушие, мне кажется.

– Вот другой вариант: «Пойдём помолимся?» – «Ну не хочу». Это же нормально, нет?

– «Пойдём помолимся?» Наверно, да. «Пойдём помолимся о том, чтобы мой друг проехал через границу с сигаретами незамеченным»... Мне говорит одна прихожанка: «Ой, батюшка, я в лотерею играю, хочу выиграть, 10% пожертвую на храм».

– Сложная ситуация?

– Очень сложная ситуация. Я говорю, знаете, не надо 10: если б вы сказали 90% на храм, можно было бы ещё подумать *(смеётся)*. А так, говорю, может, и не надо этим заниматься – столько людей попадает в зависимость. Всё-таки лотерея – это грех мшелоимства, желание иметь там, где ты не заработал, не заслужил, «на халяву»: вот бы мне ничего не делать и заиметь. Деньги обманутых людей – на этом не разбогатеешь.

Думаю, что можно отказаться. Люди задают вопрос: а обязательно ли мне каждое воскресенье ходить в храм? Я одному человеку сказал – не обязательно. Да, есть такая заповедь, но ты должен захотеть каждое Воскресенье ходить в храм. Должен увидеть пользу, но ты её не увидишь, если не начнёшь себя заставлять. В определённый момент каждый человек заставил себя встать на молитву, пойти в храм, заставил себя поститься. Ну понятно: кто хочет поститься? Кому это легко? Кому это приятно? Нет, это очень трудно – но заставил. Почему заставил? Потому что поверил, что Богу это угодно, поверил, что это принесёт пользу, потому что увидел другого человека, который уже постится, и от него заразился этим добрым примером. Ответить «я не хочу» на просьбу помолиться – это то же самое, что на приглашение «пойдём покушаем» ответить «не хочу, я сыт». Можно ли отказываться от Причастия? Можно, потому что я не готов. Мы прекрасно понимаем, что ты никогда не будешь готов, но а вот я не готов, потому что я вчера причастился или неделю назад, и я этим живу. Мне сейчас нет нужды. Есть люди, которые причащаются редко, но они к этому готовятся, очень долго эту благодать сохраняют в себе.

– Стоит ли приносить в жертву свои хорошие желания ради того, что ты считаешь правильным?

– Конечно, стоит. Так сделал святой Лука Войно-Ясенецкий. Он хотел быть художником, но отказался от этого ради того, чтобы лечить больных, и

стал врачом, хотя не чувствовал в себе к этому призвания. Но заставил себя, увидел в этом своё служение. Бог ему дал великий дар врачевать людей.

Бог многие вещи отдал в нашу власть. Надо и чувством, и разумом руководствоваться, и советоваться с опытными людьми. Нужно ли это и полезно ли? Может, тебе кажется, что полезно, а на самом деле – никому не нужно.

– Тогда все, желающие стать художниками, становились бы хирургами, а потом монахами и священниками.

– Однажды к нам приезжал отец Георгий Антонео – духовник молодёжных братств Кипра. Ему задали вопрос о том, как застраховать себя от ошибок. Он сказал: «Когда вы что-то предпринимаете, всегда молитесь, чтобы Господь благословил. Не думайте, что у вас после этого не будет ошибок. Но точно скажу, что их будет гораздо меньше». Ты думаешь, что это дело Божие? Молись и делай. Если надо, Господь тебя потом отведёт, развалится твоя задумка.

ПРО ДНО СТАКАНА

– В России проводился социологический опрос, во время которого у людей спрашивали: «Как вы считаете, можете ли вы влиять на свою жизнь?» 87% опрошенных ответили отрицательно. Как думаете, с чем это связано?

– Связано с суевериями и с верой человека в судьбу. Это что-то языческое.

– Не думаю, что все вокруг настолько язычники и считают, что не могут выбрать между чаем и кофе на завтрак.

– Ну а что мне сказать, если только 5% крещёных людей в России и Беларуси ходит в храм. Неудивительно, что 87% считают, что они не могут влиять на свою жизнь.

– Может быть, это связано ещё и с несвободой и неспособностью нести ответственность?

– Думаю, что если бы такой опрос провели не только в России, но и в какой-нибудь Швеции, цифра была бы приблизительно такой же. Но, конечно, это и желание себя оправдать, мол «это не я, это у меня муж такой». «Почему моя жизнь не такая святая?» – «Да потому, что я не могу влиять на неё». В то же время мы забываем: чем более я имею над собой власти, тем более я свободен.

– Можно ходить и ничего не делать, а можно целенаправленно взять ответственность. Вы за это?

– Да, ответственность делает человека сильнее, мужественнее, крепче перед Богом. Ты поднимаешься на ступеньку выше. Не получилось? Ну что ж, «Бог и намерения целует». Он может сделать целым то, что ты сделал наполовину.

– Долг и ответственность – это разные вещи?

– Не всякую ответственность ты должен на себя брать. Можешь жениться, можешь не жениться – пожалуйста, тебе Господь дал право выбора. Можешь монашество принять, можешь не принимать, но в определённый момент ответственность может стать долгом – коль уж взял, то должен нести, бросить нельзя. Просто если ты нарушаешь долг, то последствия всегда будут более трагическими.

По большому счёту, ты можешь жить вообще как хочешь – пожалуйста! Делай всё что хочешь. Ты вообще можешь от всех отказаться, на всех наплевать, ни на кого не оглядываться, но вряд ли тебе от этого будет слишком хорошо. Люди, которые живут по принципу «я не хочу и не делаю», глубоко несчастны. Они всегда страдают от упущенных возможностей, от отношения других людей к себе. Один из переводов слова «ад» – «поздно». Что в аду происходит? Человек понимает, сколько он упустил возможностей. Даже мученики, которые за Христа пострадали, будут вопиять к Богу со словами: «Господи, как жалко, что мы мало понесли испытаний за Тебя!» Когда увидят ту награду, которую Господь даёт человеку. И невозможно себе духовную жизнь представить, когда человек делает только то, что ему хочется. Он не вырастет никогда. Нельзя так жить, надеясь, что куда-нибудь меня вынесет по течению. Невозможно, нет – не вынесет.

– Это про 87%.

– Думаю, что 87% людей в старости жалеют о том, сколько всего было упущено. Может быть, я не знаю, что там в старости настоящий христианин чувствует – мир и спокойствие, радость или его тоже всё-таки что-то беспокоит: покаянные чувства, муки совести. Не знаю. Но когда я вижу добрых христиан, которые жизнь прожили с Богом, понимаю, что у них в конце жизни очень мирное состояние. И по лицу это видно, и по внешности. Хотя и жизнь была тяжёлая.

Богу угодно, чтобы человек всегда принимал на себя какую-то ответственность, нёс, терпел, смирялся, становился сильнее и служил Богу. Всегда есть вещи, которые на тебя возлагаются вне зависимости от твоего желания, и есть вещи, которые ты должен выбрать сам или не выбрать. Но всем хочется всё держать в своих руках: чтобы я всё успевал, чтобы я болел только тогда, когда мне нужно, чтобы водопровод у меня прорвало только тогда, когда я к этому готов. Это невозможно. Тогда мы превратимся в людей, ни к чему не способных совершенно. Мы не можем понять жизнь, не можем Божиих законов понять, если всё по нашей воле. Вот поэтому люди ответственности избегают сегодня. Браков рушится так много как никогда, потому что человек вдруг говорит: «Зачем мне всё это надо? Так хорошо было одному». А сладко – на дне стакана. Начнёшь жертвовать – сразу поймёшь, в чём тут прелесть.

ТЁПЛЫЕ И ХОЛОДНЫЕ СВЯЩЕННИКИ

– Как в братстве с ответственностью?

– У меня сейчас какой-то кризис. Мне кажется, наступил момент, когда что-то должно по-другому пойти. Уже от привычных форм отходишь, многое уже не интересно. Я пытаюсь нащупать другое направление, что-то более серьёзное найти. Вроде у каждого есть своя ответственность, но я чувствую, что если бы ушёл из братства, оно бы развалилось. Это значит, что не сформировалась семья или мало времени прошло, или что-то не так делалось.

– Вы для них отец?

– Я не знаю. Я для них не всегда отец, но они для меня дети. Особенно те, кого знаю много лет, видел их трудности. Или если видел, что пришли никакущие... Появился у нас какой-то буддист, спорил о Библии, ругался, говорил, что Бога нет, а сейчас в семинарии учится. Развернуло человека, да... За три года проникся, узнал много чего, стал глубоко верующим человеком. Ясно, что этого человека не забудешь, это какой-то родной человек, я видел, как Бог его менял. Чувствую их как детей, но я об этом не говорю. Потому что они скажут: «Ну как это?»

– Ну и зря.

– Мы и по возрасту мало отличаемся.

– Кто-нибудь из них может прийти и обнять вас?

– Может, конечно.

– Но не делает?

– Стесняются.

– Значит, вы даёте повод стесняться.

– Даю, потому что я, может быть, боюсь панибратства. Боюсь, что если буду как сверстник, я перестану быть авторитетом.

– А что, отца нельзя обнять? Можно только сверстника, что ли?

– Вот этого мне не хватает, согласен. Наверно. Всё равно по привычке какие-то барьеры строишь. Когда мы были в Грузии, я обратил внимание, как отец Серафим общается с прихожанами в Канде – все первым делом приходили к нему обниматься. Мы ещё удивлялись, что такие у них отношения интересные. Мы, священники, вообще более холодные в Беларуси, в России, например. Мы всё равно строим из себя что-то, хотим казаться серьёзными. Единственное, что я делаю – стараюсь приобнять человека после того, как благословляю. Чувствую необходимость в этом.

ГЛУБИНЫ

– Что можно изменить?

– Думаю сейчас: может быть, братство нужно переформатировать? Хотя у нас и есть ответственность за молодёжную работу, но я себя больше на приходе вижу и понимаю, что должна быть «братия святаго храма сего», где и дети, и

молодёжь, и старики – они вместе, им интересно и они учатся друг у друга. Если собираешь отдельно каждое поколение, что-то теряется. Община теряется. Вот как это так научиться, чтобы все были в братстве – и молодёжь, и старцы? Мне кажется, это более эффективно.

– Может, это связано с тем, что мы не можем перейти на более сложный этап? Надоели разговоры и чаепития? Хорошо, иди молись, подвижничай. Но на это надо решиться, сделать нелёгкий шаг.

– В Церкви же такой безграничный мир! Вот Кураев пишет плохое про епископов, но я чувствую, что не надо так делать, что не Христов это дух, хотя это, может, и правда всё. Только уровень какой-то плоский. Если ты называешь епископа отцом, молись за него. Митрополит Илларион Алфеев сказал, что человеку в Церкви надо погружаться на глубину – как в море: пока ты на поверхности, тебя штормит, волнами кидает. А когда ты погружаешься на глубину, тебе тихо и спокойно. Находишься ли ты на первом году церковной жизни или ты здесь уже 50 лет – тебе всегда может быть интересно, просто иди дальше, читай, переходи на более серьёзные книги, думай, общайся с людьми, которые обогащают тебя духовно.

– Надо «спровоцировать» на какую-то деятельность, дать выбор...

– Я уже это понял. Сначала пытался сам закрутить работу, а потом увидел, что это подавляет инициативу. Поэтому сейчас говорю: «Было бы хорошо, чтобы вы собрались и сделали». И это полезнее, чем я сам договариваюсь обо всём. Не сделают – я не буду делать.

Что я ещё в этом году понял? Надо человеку дать задание: пусть он даже сейчас сделает хуже, но в следующем году он сделает лучше, чем ты. Понимаю, почему храмы так долго строятся – потому что это Богу угодно. Вокруг храма собираются люди, которые готовы нести трудности. Бог ждёт, пока каждый придёт и принесёт свою долю. Для общины это прекрасно. Думаю, что надо постоянно что-то строить: колокольню, церковный дом, дом престарелых... Жалею, конечно, что утопаю в хозяйственных заботах. Всё вроде важно, но силы уходят почти только туда. Если честно, я пока не решил этот вопрос.

А ещё стал внимательней относится к тому, что люди предлагают. Вот приходят и говорят: давайте организуем утренник ко Дню матери. У меня первая мысль: это сколько забот! Опять всё решать, лучше бы тихо встретили праздник. А потом думаю: может быть, это возможность человеку раскрыться, и из этого правда что-то получится? Я понял, что не надо отказываться от того, что люди предлагают. Человек готов делать? Бог да поможет вам. Если что надо – помогу, постараюсь. Я уже теперь всё благословляю, и ни разу не пожалел. Вот даже не хотел воскресную школу делать: денег нет, дайте крышу закончить! Люди пришли – давайте делать воскресную школу. Я говорю – делайте, и уже на следующий день я понял, как это вообще здорово, что кто-то пришёл и предложил. Это же Бог через народ открывает Свою Волю. Не случайно у нас соборность. Вообще, так здорово... Может быть, иногда желание что-то делать – признак того, что у человека есть дар.

– Короче, кайф от ответственности возможен.

– Конечно! Я вообще думаю, что человек может забывать себя, свои желания, отказывать себе в каких-то радостях из-за гордости, тщеславия или в расчёте на прибыль. Не знаю, будет ли ему такое дело приносить радость, но если он себя учится забывать ради другого человека или ради Божиего дела, видит, что в этом есть смысл и польза, то ему обязательно будет радостно.

– Тут важно плоды всё-таки видеть. Иначе тяжело.

– Поэтому человеку надо в себе не только плохое видеть – то, в чём надо каяться. Надо замечать хорошее. Что у меня получилось? Что я смог исправить? В чём плохом я смог остановиться? Не для того, чтобы этим гордиться – чтобы поблагодарить Бога. Мы в чём-то становимся лучше, это же так.

ВЕРА

Чтобы доктор лечил, милиционер защищал, а священник молился нужно сохранить нерастраченным некий неприкосновенный запас нравственности. Всякий человек будет хорошо делать свое дело и не погубит своего имени, если от вопросов Бога, совести и окружающих людей он не закроет свои уши и не отвернёт лица.

Протоиерей Андрей Ткачёв

фото Юрия Деглау

Артур Комаровский

NES

НЕСЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ ДАРЬИ КАЛИБЕРДЫ

RDY

или почему Юнг был прав

О том, что всё происходит не вдруг, говорили многие философы, в том числе Юнг. Именно он ввёл понятие синхроничности, согласно которому объективные смыслы существуют сами по себе – как внутри нашей психики, так и снаружи. Мы же продолжаем охать-ахать, как только ловим вселенную на очередном совпадении.

«Долго-долго искал и вот совершенно случайно нашёл» – знакомо? Таких историй полно в жизни Дарьи Калиберды. Мы решили погостить в её случайностях и узнать, почему Дарья пишет иконы и преподаёт иконопись детям, которые, разумеется, «совершенно случайно» занимают первые места в международных конкурсах.

Такая вот манера

Я начала рисовать, как только смогла взять в руки кисточку. Обычные детские каракули. Остались даже фотографии этого действа. Пока мама делала снимки, я твердила, что буду художником.

Потом мне действительно пришлось пройти все ступеньки, которые ведут к творчеству. Я изрисовывала целые альбомы и бережно их хранила. В школе «художницу» все знали, кабинет ИЗО был увешан моими работами. Я участвовала в конкурсах и всегда побеждала. Где-то в одиннадцать лет в моей жизни появилась художественная школа, я окончила её с отличием и уверилась – моё. Решила всерьёз заняться живописью и поступила в культпросветучилище. Потом был Гродненский Государственный Университет имени Янки Купалы.

У меня всегда была очень бурная фантазия. Я рисовала фантастические картинки: нереальные здания, каких-то невозможных людей. Такая вот манера... Когда в художественной школе мы рисовали на свободную тему, преподаватель всегда удивлялся моему выбору. Вообще, я могла изобразить всё. В принципе, и сегодня могу назвать себя универсальным художником.

Новицкий

Соседка решила познакомить меня с одним человеком. Ольга сказала, что это самый талантливый художник из всех, кого она знает. Я не поверила, но решила сходить и просто пообщаться. Я человек открытый и из каждого знакомства стараюсь почерпнуть что-то новое.

Пришли в тесную квартиру художника. Здесь всюду висели картины: большие, маленькие, старые, новые. Но больше всего меня удивило распятие, находящееся среди этих работ, а ещё многообразие религиозной литературы.

Каким-то образом мы стали общаться, а вскоре – сотрудничать. Художник захотел научить меня всему, что знал сам. Ему было сорок пять. Он сказал, что всегда мечтал кому-то передать свои навыки, но не находил достойных. Этим человеком был Сергей Николаевич Новицкий.

Постепенно мы начали вместе работать и рисовать рука об руку в его мастерской – квартире, где повсюду стояли мольберты, краски, баночки. В воздухе витал запах растворителя и красок – в моей памяти он остался символом тех лет.

Новицкий показывал мне удивительные технические моменты, грунтовки – то, чего нигде не

увидишь. О многом я узнавала впервые, и это при том что у меня два художественных образования. Это можно было найти и открыть для себя только в мастерской во время рабочего процесса.

Тогда я поняла, что самое важное – это работа со старыми произведениями живописи. Они – самое главное учебное пособие для художника. Недостаточно просто иметь прекрасное воображение и придумывать сюжеты. Очень важно увидеть готовое произведение, прочувствовать его и сделать копию, чем я и занималась. У меня всегда была к этому тяга. Мне нравилось срисовывать, хотя интуитивно я чувствовала, что моё предназначение в другом. Да, я могла прекрасно скопировать картину или придумать что-то своё, но меня не покидало ощущение, что моя техника будет востребована как-то иначе. Как – я пока не знала. И только спустя годы поняла, в чём сильна по-настоящему.

Самые ценные советы Новицкого касались работы с цветом. В принципе, цвет я чувствовала всегда, но Сергей Николаевич таким образом преподнёс мне знания, что теперь я без стеснения считаю себя мастером цветоведения. Работа с цветом – это, на мой взгляд, высшая степень мастерства. Не каждый художник в силах чётко попадать в цвет, чувствовать его и понимать. В этом плане показательна голландская живопись, которая мне очень близка.

Особенность моей техники в том, что я очень тщательно прописываю все детали и, как правило, работаю на гладкой фактуре. Это очень похоже на работу по созданию иконы. Тогда я не могла понять, что моя любовь к Аверкаму Хендрику, Питеру де Хоху, Яну Вермееру перекликается с тем, что я делаю сейчас.

Сергею Новицкому принадлежит огромная роль в моём становлении. Восхищаюсь этим художником, воспоминаниями о нём согреваюсь. Мы познакомились, когда мне было двадцать восемь. Благодаря Новицкому я как личность начала развиваться в правильном русле. До этого я была слабой и боязливой. Находясь под его опекой, я стала решительнее, поняла, что нет ничего такого, что я не смогу.

Теперь сама

Это произошло в период сотрудничества с Новицким в его мастерской. Я работала над небольшими картинами в духе голландских живописцев, а Сергей Николаевич писал икону Рождества Христова. Я смотрела тогда и думала: как это интересно, как здорово – работать детально. Я чувствовала, что мне обязательно нужно попробовать. Ко всему прочему, при мне реставрировались старые иконы. И я решилась: заказала доску и мы вдвоём параллельно написали по иконе.

Я писала Иверскую икону Божией Матери, которую выбрал для меня Сергей Николаевич. Работала над ней в течение месяца и получала от этого колоссальное удовольствие. На ней было очень много орнаментов, я старательно всё прописывала. Сейчас я сделала бы иначе, но тогда она мне понравилась и я подумала, что хотела бы писать ещё и учиться этому.

Я закончила икону, когда моего учителя уже не было в живых. В тот момент я чувствовала профессиональную самодостаточность, уверенность в уровне мастерства.

В написании икон я взяла паузу. Рисовала картины. На протяжении полугода или года ездила в Прагу, там выставляла и успешно продавала работы. Но однажды я поняла – хватит. Всё это меня опустошало и казалось каким-то чужим.

Так получилось, что я познакомилась с человеком, который кардинально изменил мою жизнь. Снова случайно, хотя на самом деле нет. Я как-то думала об этом и поняла, что сама подсознательно делаю всё необходимое для появления в моей жизни неслучайных людей.

История была такая. Мой отец – верующий. Както он решил закрепить свои знания и пошёл на катехизаторские курсы при соборе. Познакомился там с Мариной – очень интересной девушкой, которая удочерила ребёнка. Отец много рассказывал мне о том, какой она «настоящий человек».

В то время я как раз собиралась крестить сына, но предполагаемая крёстная уехала, и все планы рухнули. Тогда-то я и решила, что крёстной мамой станет верующий человек, пусть даже незнакомый. Кроме Марины предложить было некому, и я решилась. Она смутилась, но всё же дала согласие. Мы встретились, долго разговаривали и поняли, что очень близки по духу. Сейчас мы лучшие подруги.

И вот как-то Марина звонит и предлагает мне написать икону Августовской Божией Матери для нового прихода в Барановичах. Я никогда не отказываюсь от предложений, и в этот раз не изменила себе. Думаю, настоятель прихода, отец Евгений, немного рисковал, доверив дело новичку,

но в итоге икона всем понравилась. Мне рассказывали, что владыка Артемий, большой критик в этом деле, хорошо отозвался о моей иконе. Так началось сотрудничество. Я стала писать иконы одну за другой. Теперь их скопилось очень много. Пока строительство не началось, иконы просто выносятся в поле, и люди молятся под открытым небом.

Пазлы

Когда начала водить сына в воскресную школу, тоже встретила хороших людей. Новая знакомая узнала, что я пишу иконы, и решила заказать одну, чтобы пожертвовать в храм. Сначала мы решили, что отдадим икону в Никольский, но почему-то передумали и пришли в собор, к настоятелю отцу Александру Ноздрину. Нужно сказать, что священники довольно скептически относятся к новым иконописцам – право писать нужно ещё заслужить. И тем не менее отец Александр предложил мне открыть иконописную студию. Я не сразу согласилась, ведь знала, что это очень ответственно, и совершенно не понимала, как справлюсь.

Пока я не дала ответ, мы делали икону в Ольгинский храм. Отец Александр пожелал, чтобы это была мозаика. Никогда не пробовала делать мозаики. Во-первых, это очень сложно, во-вторых, нужны специальные инструменты и знания. Но я рискнула.

Подняла пласты литературы, перекопала интернет в поисках нужной информации. Советовалась со своим преподавателем из колледжа, скульптором Владимиром Теребуном. Я поехала к нему в Минск, мы долго беседовали, он раскрыл мне некоторые секреты, помог с покупкой необходимых инструментов.

Работа была увлекательной. В процессе мне даже приходилось придумывать свои технологии. Я закончила работу, которая позволила сделать прорыв в творчестве. Сейчас многие знакомые и прихожане говорят, что настолько привыкли к мозаике, будто она была там всегда.

Только теперь я позвонила отцу Александру и сказала, что согласна открыть студию. Понимала, что я совершенно не педагог. Для меня привычней работать в одиночестве, пребывая в собственном мире. Все художники такие: любят проводить время наедине с собой.

Как и обо всех своих решениях, об этом я тоже ни разу не пожалела. Снова получила колоссальный опыт, который вряд ли был бы мне доступен где-то ещё. Понятно, что всё это трудно: постоянные нервные потрясения, борьба с самой собой. Проще сидеть в тихом болотце, но когда ты преодолеваешь трудности, это очень закаляет.

Дарья Калиберда

художник, иконописец, руководитель детской иконописной студи «Покров».

СТИ ЦАРСТВЕННИИ
СТРАСТОТЕРПЦЫ
ЦРЬ НИКОЛАЙ
ЦРИЦА АЛЕЗАНДРА

Блиц
Bits

Любимый иконописный образ?
Троица.
Какую икону вы бы никогда не взялись писать?
Нет такой. Я могу взяться за любую.
Самый сложный и важный этап
работы над иконой?
Сделать рисунок, составить композицию,
прописать лики и руки.
Ваш любимый цвет в иконописи?
Бордовый.
Икона, с которой связаны важные
события в вашей жизни?
Августовская.
Любимый художник-иконописец?
Виктор Довнар.
Слово, с которым вы
ассоциируете иконопись?
Свет.
Традиции или творчество?
Традиции.

В студии

Про «я могу»

Главное – просто и доступно объяснять, быть грамотным в том, что ты делаешь. Обязательно нужно слышать ученика. Спрашивать его и себя: «Как будет лучше? Как легче?»

Я чувствую детей. Они мне очень доверяют. Я для них друг, поэтому они мне легко говорят, что у них не получается, чего хочется – говорят всё. И это упрощает работу.

К каждому ребёнку нужно отдельно подойти и показать. Я всегда беру руку ребёнка в свою и объясняю, как водить линии, с какой силой нужно нажать. За счёт этого возникает ещё и определенная душевная связь между тобой и учеником. Ребёнок ничего не боится. У нас с детьми, кстати, есть девиз: не бояться, ведь нет ничего невозможного. И я на собственном опыте это испытала. Я могу всё: делать мозаику, писать иконы. Не могу только того, что требует физической силы, большей, чем я обладаю.

Вообще, я считаю, что талант можно раскрыть только в процессе труда. Невозможно ничего не делая выяснить: «Ах, я, оказывается, гениальный художник».

Нет такого человека, у которого бы не получилось. Я всегда говорю: если есть лень – не будет никакого результата. И у меня дети знают, что нужно вложить в икону всю душу. Наша работа – долгоиграющая. Невозможно её сделать быстро. И в этом есть определённая польза: дети успевают сродниться с иконой, свыкнуться, принести домой, посмотреть на неё издалека. Они начинают так любить её, что в конце концов понимают – «я могу».

Язык Церкви

Язык Церкви – это икона. Благодаря ей иконописец через себя пропускает другую личность. Создание иконы – очень долгий процесс. В это время ты задумываешься о невероятном количестве вещей: о душевных и религиозных вопросах,

о себе и своей жизни, и, конечно же, о том образе, с которым работаешь. В процессе написания ты наиболее близок к Богу. Может, даже ближе, чем священник, который ведёт сравнительно недлинную службу.

Икона и молитва неразрывны. Настоящий иконописец постоянно пребывает в молитве: до, во время и после работы. Иной раз ловишь себя на мысли, что пока пишешь серьёзные работы, ты, сам того не осознавая, повторяешь какую-то молитву или напеваешь «Символ Веры». Я не раз себя ловила на этом. Думаю, это присуще всем, кто занимается своим делом.

Вряд ли, конечно, это характерно для детей. И самостоятельно ребёнок к этому не придёт. Это может быть на уровне попыток, по-детски наивно и непосредственно. Детей нужно направлять. Если тебе подсказывают, куда идти, это здорово.

Стать ребёнком

В иконописи важно, как преподаватель подаст ту мысль, которая нужна ребёнку в конкретный момент. Нужно стать на один уровень, почувствовать себя ребёнком, чтобы заинтересовать его и объяснить серьёзные вещи.

За эти два года я пришла к выводу, что мне необычайно повезло. Конечно, иконописцы работают над собой, пишут иконы, но это всё не то... Я вижу, что дети учат меня. Вот я составила план, но начинается занятие, и, как ни странно, дети его контролируют, а я подстраиваюсь под них. Дети сами выбирают икону, которую хотят писать, а я соглашаюсь. К тому же ребята, которые у нас занимаются, какие-то особенные.

Приходят очень интересные, талантливые дети. Среди них есть и воцерковлённые, и те, кто бывает в храме раз в год. Но это не имеет значения: все они добрые, открытые, искренние. Некоторые никогда не брали в руки кисточку, не занимались в художественных школах. Но порой то, какие вопросы они задают, как размышляют, меня удивляет и приводит в восторг.

Каноны и Творчество

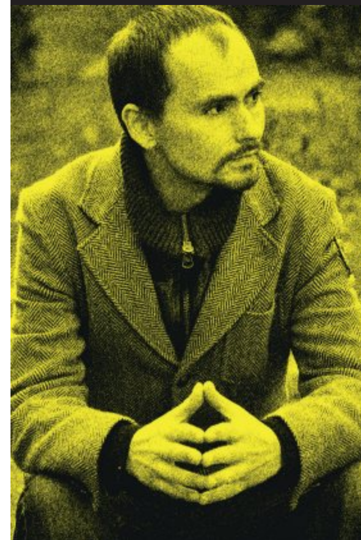
Творческое начало присутствует в любом иконописце. Человек живой, он не компьютер и в любом случае привнесёт в работу что-то своё. Я считаю, это прекрасно. Конечно, иконописец не сможет уйти от церковных канонов, но если он покажет свои линии, это только плюс. Иконопись не предполагает полного отказа от проявлений творческой индивидуальности: в каждой работе чувствуется почерк. Но если во всем стараться показать свое «я» – это уже живопись, а не икона. Нужен контроль над собой. Не может быть «я так вижу». Гордыня вообще неуместна. Как и тщеславие. Обуздать своё «я» помогает молитва.

Сергей Комаров

ОДИН ЗА ВСЕХ?

или всё из-за одного

«Я никому ничего не должен!» – часто слышим мы от знакомых и незнакомых людей. С той же интенсивностью порой звучит среди нас и другая фраза: «Вы мне за это ответите!» Состыковка двух смыслов показывает интересную антиномию – современный человек ни за что не хочет отвечать, но любит требовать ответственности от других.

Светская этика, кажется, понимает эту проблему и говорит о ней. В школе, в университете над нами постоянно жужжат: ты должен быть ответственным! Однако пропаганда правильных смыслов почему-то оказывается неэффективной. Халтура процветает, и наше общество в нравственном отношении приобретает характеристики «ООО».

В чём же причина? Дело в том, что в сознании человека рано или поздно начинает звучать голос: «А перед кем я должен отвечать? Перед обществом? А что оно мне дает? И в каком состоянии оно само пребывает? Как говорится, «а судьи кто?». Не-ет, братцы, не дурите меня. Отвечать я буду только перед своими желудком и кошельком, перед своими собственными желаниями. Так делают все, и на этом стоит мир».

Как прекрасно было бы школьным и университетским преподавателям предупреждать подобную мысль, отвечать на неё. И лучшие из них делают это. Правда, учитель сможет парировать сей вопль эгоизма только в двух случаях. Первый: если он сам не живет так. И второй: если педагог имеет христианское мировоззрение. В таком случае он ответит очень быстро, особо не задумываясь, и ответ, скорее всего, будет следующим.

«Таков взгляд на мир глазами индивидуалиста, но не личности, – скажет преподаватель. – По мысли замечательного богослова В.Н. Лосского, индивидуальность направлена сама в себя, атомизирует человеческое бытие; она сводит человека к его природе со всеми её инстинктами и желаниями. Индивидуалист говорит: вот я, «такой красивый с бородой». Вот мои чувства и мысли, для меня это центр вселенной. Я ни-ко-му ни-че-го не должен.

Личность же направлена не в себя, но из себя. Она тянется к Богу и к человеку, живет и развивается в общении и служении. И именно из идеи служения Богу и человеку вырастает то понимание ответственности, которое превращает надоевшую многим абстрактную идею в саму жизнь, наполняет красивую форму содержанием. Жизнь эта называется христианством. Хочешь стать настоящей личностью, серьёзным и ответственным человеком? Стань христианином!»

Так, может быть, ответил бы наш преподаватель. И если его слова оставят след в душе ученика, тот впоследствии сам возьмёт в руки православную литературу или побеседует со священником и узнает о христианской ответственности ещё больше.

Например, он поймёт, что Иисус Христос освятил понятие ответственности личным примером. Богочеловек взял на Себя ответственность за грехи мира, пострадал за нас, отдал вместо нас наши долги. И ученикам Своим Он завещает ответственность за жизнь планеты. «Вы соль земли» (Мф. 5, 13) – говорит нам Христос.

«Ответственность за жизнь планеты? – переспросит кто-то. – Как это?» Тут надо проговорить важную и принципиальную мысль. Она хорошо выражена в древнехристианском памятнике «Послание к Диогнету». «Что в теле душа, то в мире христиане... Душа заключена в теле, но сама содержит тело; так и христиане, заключённые в мире как бы в темнице, сами сохраняют мир», – говорит неизвестный автор древности.[1] По-другому можно сказать так: внутренняя основа общества есть его духовность, а вопрос духовности есть вопрос жизни Церкви. В каком состоянии Церковь, в таком и общество. А Церковь есть богочеловеческий организм, она двуприродна. Человеческая сторона Церкви прямо зависит от человека, ведь Церковь – это все мы. Отсюда следуют вполне практические выводы, прямо влияющие на нашу жизнь.

Например, я в воскресенье проспал Литургию. Из-за этого воскресная молитва Церкви нечто потеряла, ибо в ней недоставало моего голоса. Я должен был быть там, ведь в воскресный день Церковь обязательно прославляет Христово Воскресение, – но не пришёл. И вот представьте, что один крещёный человек не пришёл на службу, второй, третий, сто, тысяча не пришли... Из Церкви, Тела Христова, как бы вырываются целые куски. Молитва её слабеет, и это не может не отражаться на жизни мира, на духовном состоянии общества.

Ты слышишь о войнах, массовых беспорядках, голоде, государственных переворотах? Спроси себя: когда я был последний раз на Литургии? Такой взгляд будет христианским, и именно такая ответственность свойственна зрелой личности.

Понимаем ли мы до конца, что мы связаны тысячами невидимых нитей с миллионами людей? Что каждое наше слово и дело влияют на других. Надо сказать, эту меру ответственности вполне чувствовали и выражали крупнейшие христианские мыслители XIX и XX веков. «Все друг за друга в ответе», – писал Достоевский.[2] «Есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир», – говорил Бердяев.[3]

Христианская ответственность головокружительно высока, так как отвечать мы в конце концов будем не перед грешным социумом, а перед Христом. Каждый наш взгляд, каждое слово и мысль будут проверены и взвешены перед лицом Истины.

Как, неужели и за мысли мы будем держать ответ? Конечно, ведь мысль есть начало дела, и каждая наша мысль влияет на судьбу мира. Путь от зарождения преступной мысли до претворения её в жизнь гениально показал Достоевский в бессмертном романе «Преступление и наказание». Одна единственная идея, признанная истинной, стала причиной убийства человека. Скажете, смерть одного человека не решает судьбу мира? Ещё как решает. Меньше чем через полвека после написания этого пророческого романа разразилась одна из самых ужасных войн в истории человечества, и началась она из-за убийства одного человека, эрцгерцога Франца Фердинанда. Результат убийства: гибель более двадцати миллионов людей, пятьдесят миллионов калек, прекращение существования четырех империй.

Что такое, скажем, человеконенавистнические идеологии? Прежде всего это больная мысль, а потом уже потоки крови и концлагеря... Идея, внушённая миллионам, меняет судьбу мира. В тесном кабинете сидит какой-то очкарик и фиксирует свои мысли. Потом они оформляются в книжку, потом становятся программой партии, потом входят в законодательство. А потом людские массы начинают уничтожать друг друга.

Поэтому христианство говорит человеку: проверяй, оценивай свои помыслы, веди мысленную брань. Твоё мысленное падение или восстание прямо влияет на жизнь миллионов, понимаешь ты это или нет. Не знаем мы, по слову поэта, как наше слово отзовётся, но то же можно сказать и о наших мыслях. Как и когда они воплотятся? Мы в ответе перед всем миром за каждое движение ума. Безответственность твоего мышления может погубить многих, а тебя затащит на дно ада.

Мы будем отвечать за каждое своё дело, слово, помышление, за все написанное, проговоренное нами, и даже за сами свои убеждения. Не чувствующий этой ответственности, по сути, отказывается от свободы. Ведь ответственность и есть обратная сторона свободы. Отец Александр Мень так и определил однажды свободу: «ответственность человека перед Творцом».[4] Свобода есть привилегия, а привилегии всегда добавляют ответственности. Бегущий ответственности бежит от свободы, его «свобода» превращается в рабство своим желаниям и страстям. А несвободный – уже не личность.

Впрочем, заинтересовавшийся и сам прочитает обо всем этом в православной литературе. И если он продолжит своё познание уже в Церкви, то в теме ответственности ему откроется нечто гораздо большее, добываемое только опытом. Он догадается, что надо меньше заявлять о своих правах, но больше думать об обязанностях. Поймёт, что «каждый из нас получает двухтысячелетнее христианство, и этим налагается на нас бремя мировой ответственности. На нас лежит ответственность мирового возраста христианства, а не личного нашего возраста».[5] И ещё: возложив на себя ответственность за всё, он перестанет во всех бедах винить внешние силы. Он станет по-настоящему взрослым. Он прикоснётся к тайне Креста.

Но это уже будет зависеть от его решимости.

ЛИТЕРАТУРА

1 Послание к Диогнету, гл.6
2 Мысль старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы»
3 Бердяев Н.А. Философия свободы
4 Протоиерей Александр Мень. Ответы на вопросы радиослушателей
5 Бердяев Н.А. Смысл творчества

диакон Дмитрий Павлюкевич

Я ЧЕЛОВЕК ПЛОХОЙ

Я злой человек и плохой священнослужитель. Я людей не люблю. Я не мизантроп, нет. Тут важно, что я именно не люблю, а не чувствую ненависть. Порой я даже терплю людей. Мне говорят: «Ты должен любить их!» Тех, кого ты видишь впервые, ты должен любить уже; тех, кого знаешь давно, ты должен любить всё ещё.

фото Игоря Ждановича

Мне кажется, я не сделал ни одного доброго дела потому, что сам хотел. Всё только потому, что так надо. Вот Иван Карамазов убеждён, что «один святой», который обнял нищего и дышал в его зловонный, гноящийся от проказы рот, чтобы согреть беднягу, сделал это «с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви». Я соглашаюсь с ним.

Ответственная любовь – что вообще может быть глупее? Я хочу любить и делать добро без этого принуждения, по вдохновению, а чувствую себя как на субботнике. Все что-то делают, не понимая, зачем, но уверены, что кому-то это нужно. Рабочие думают, что это нужно в профсоюзе, в профсоюзе – что в обкоме, в обкоме – что в ЦК, но даже сам генсек лучше бы сидел дома. Но как же это, ведь на мне ответственность! Вот и любовь у меня, как субботник, добровольно-принудительная.

Так кому это нужно? Богу? Но зачем?

Вообще, ответственность парадоксальна. Её невозможно возложить, иначе это будет приказ с последующим исполнением; её можно только взять самому. Как в притче о милосердном самарянине. Он что, был обязан помогать этому калеке? Самарянин сам взял обязательство, сам решил, что ответственен теперь за избитого и обязан помочь. Нет ближних по разнарядке – ты создаёшь ближнего.

У Бога этот парадокс возведён в абсолют. Известную белорусскую поговорку можно перефразировать так: «Не меў Бог клопату – ствары́ў Сабе сусвет». Начиналось-то всё «хорошо весьма», а закончилось «Или, Или! Лама савахфани?». Зачем тогда было начинать?

Ага! Вот ты и попался! Да ведь на кресте висит Тот же, Кто и «на водах землю повесил». Ответственность – это всегда риск, но риск, связанный не с возможностью провала плана, а с возможностью провала ТЕБЯ. Останешься ли ты тем, кем был вначале, или изменишься? Будешь тем, кем назвался, или придумаешь себе новое имя?

Любовь не меняется и не уходит, это ты её «уходишь», ты меняешься. Я начал с того, что не захотел любить по долгу, когда любовь ещё не зародилась или уже прошла. Но любовь – это не придаток вдохновения, это скорее ответ на вопрос «Кто я?».

А как здесь без долга и ответственности? Не получится каждый раз ждать вдохновения – не в тех условиях. «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?»

Да, забыл сказать: на вопрос «Кто я?» придется отвечать всю жизнь. Только мёртвый может сказать о себе однозначно. У каждого человека тысячи претендентов на звание «Я». Не знаю, право, чем тебя утешить. Ну разве только тем, что ты ещё жив.

священник Алексей Васин

«ПОЙДУ ГОТОВИТЬСЯ К СЛУЖБЕ»

Однажды в субботу разговаривал по телефону с другом. Мы вместе учились в Высшей Церковной Школе Бэтэля (Билефельд, Германия). Сейчас Маркус окормляет две маленькие лютеранские общины на севере Германии. В конце разговора решили, что каждому пора идти «готовиться к воскресной службе». Он – евангелический пастор, я – православный священник.

Интересно, что выражение «готовиться к службе» можно слышать тут и там очень часто, но значения будут совершенно разные. У нас его чаще всего можно заменить выражением «читать правило», «вычитать каноны». После того, как я увидел подготовку пасторов Евангелической Церкви, мне захотелось суммировать и описать то, с чем я познакомился во время своей жизни в Германии.

На это Евангелическая Церковь выделяет конкретное время, т.е. подготовка богослужения является прямой обязанностью, которая входит в список того, чем пастор «зарабатывает» своё жалование. Община сразу чувствует, как тщательно пастор готовился к службе.

Важнейшим моментом в процессе подготовки является составление и полный анализ всего богослужения, которое, хотя и совершается по «упрощенному» чину, но требует самой серьёзной подготовки в техническом плане. Эта техническая подготовка состоит из тщательной работы с текстами молитв. Служащие имеют возможность пользоваться уже существующими богослужебными текстами или составлять свою гимнографию, песнопения и молитвословия. Готовящийся к службе работает с каждой деталью, которая может как-то повлиять на ход богослужения и восприятие его верующими.

Конечно, центральное место в этом деле занимает подготовка проповеди. Проповедь во время богослужения должна лежать перед проповедником на пульте в полном виде. Проповедь, написанная только по пунктам, свидетельствует о недостаточной, небрежной или поспешной подготовке. Встречаются общины, которые воспринимают отсутствие написанной проповеди или проповедь экспромтом как неуважение. Во многих общинах существуют группы обсуждения проповеди и бесед на темы проповедей. Члены общины, как правило, воспринимают проповедь как кульминацию не сакраментального богослужения. Проповедник

Проповедь на Богоявление в евангелической общине Шопфлох (Баден-Вюртемберг, Германия, 2014 год)

«Отсутствие приветствия свидетельствует о безразличии к прихожанам. Это как бы говорит о том, что не обязательно приходить к самому началу, без проблем можно опаздывать»

должен продумать до мелочей и по возможности обсудить с коллегами как само содержание, так и способ донесения его до общины, а также ту духовную и эмоциональную нагрузку, с которой община воспримет это содержание.

Особое значение имеют приветственное и прощальное слова. Приветственное слово пастор говорит после музыкальной прелюдии. Оно должно содержать в себе информацию о том, какому событию и литургическому факту посвящается это богослужение. Каждый присутствующий должен почувствовать себя адресатом приветственного слова. Оно буквально в нескольких предложениях должно выразить всё, что хочет сказать пастор.

Недопустимо затягивание отдельных частей богослужения.

Интерьер церкви в Шопфлох

Отсутствие приветствия свидетельствует о безразличии к прихожанам. Это как бы говорит о том, что не обязательно приходить к самому началу, без проблем можно опаздывать.

В общинах, с которыми мне довелось познакомиться, служба начинается чётко в конкретное время. Отступление от этого времени недопустимо ни для пастора, ни для общины, соответственно, и приходящих после начала богослужения практически не бывает. Многие пасторы принципиально приходят за час, чтобы уладить все текущие вопросы, проверить микрофоны, акустику, подсветку, посовещаться с организаторами музыкального оформления и прочее.

Такое же важное значение имеет и прощальное слово, перед которым отдельно говорятся объявления. В объявлениях сообщается, сколько пожертвований было собрано, куда они пошли или пойдут, какие мероприятия будут проводиться в общине. Кроме того, можно услышать поздравления с днём рождения, крещением, венчанием, годовщиной свадьбы и т.д. После этого пастор поминает всех усопших со времени последнего богослужения членов общины. Подготовить и собрать всю эту информацию воедино помогают члены приходского совета.

«Многие пасторы принципиально приходят за час, чтобы уладить все текущие вопросы»

Упражнение во внятном и осмысленном чтении как Священного Писания, так и молитвословий – обязательная составляющая подготовки. Готовящийся к чтениям решает, как он должен читать, например, Святое Писание, чтобы абсолютно всё было понято каждым слушающим. Именно этот аспект и является главным критерием красоты чтения.

Главную молитву и «Великую» ектению пастор составляет и готовит самостоятельно, учитывая содержание богослужебных песнопений, молитвословий и чтений из Священного Писания. Упоминает о важнейших моментах в жизни всей общины и отдельных её членов.

Вся внутренняя и внешняя подготовка к очередному воскресному богослужению происходит в течение всей недели на разных уровнях. В результате подле каждого активного участника уже перед самой службой лежит чёткий и подробный план-схема и распределение обязанностей с указанием номеров песнопений в богослужебных песенниках и другим необходимым.

СВОЙ ПУТЬ

И дело в том, что жизнь, упёрто желающая быть похожей на глянец, кишмя кишит подобными примерами. Именно подобные примеры и есть лицо жизни без макияжа. Об этом надо говорить и думать.

Протоиерей Андрей Ткачёв

фото Елены Бабич

Елена Бабич

«Свой путь»
Татьяны Хват

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

От радости или от горя люди чаще приходят в храм? К сожалению, нет статистики, которая отражала бы ответ. Если она появится, интересно, где в ней «обрящуся аз»?

ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ

«Ложусь спать, со мной Божья Мать, вокруг ангелы стоят, мою душу сохранят». Народная молитва, которой бабушка учила нас с братом, – моё самое ранее воспоминание и о вере, и о бабушке. Не помню ни её лица, ни даже призрачного облика. В памяти только то, что перед сном мы проговаривали эти четыре строчки. Когда я стала чуть старше, они помогали справиться с наивными детскими страхами, не забылись и до сих пор.

Родители не говорили мне о Боге, но на все праздники мама ходила в храм. Мы всегда очень торжественно праздновали Рождество. Наверное, отчасти потому, что мама не любит Новый Год. На Вход Господень в Иерусалим мы обязательно шли освещать вербочку, этой вербочкой всех били «как надо». А потом перестали ходить. Это просто выпало из нашей жизни.

ДУХОВНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Потом началась моя бурная молодость: компании, клубы, вечеринки, встречи. И вроде было весело, было правильно. Но не так. Что-то внутри ныло, чего-то не хватало для того, чтобы радость была полной. Как в стихотворении Игоря Фёдорова: «Мне хочется чего-то большего, чем просто жить и умереть». Может быть, смысла.

Я задумалась над тем, насколько я честна с собой.

Вот сидишь ты, смеёшься над чьей-то шуткой. Не подыгрываешь – тебе действительно смешно, но это всё равно происходит «за компанию». Потому что, в принципе, если бы не смеялись другие, тебе бы даже в голову не пришло хохотать. Я всё время думала: когда я настоящая? Здесь? В университете? Дома? Я ведь там совсем другая!

И потом вдруг, проходя мимо храма, начинаешь задумываться: может, чтобы найти ответы, нужно просто зайти туда?

Недавно обсуждали в братстве вопрос о том, как объяснить друзьям, почему ты ходишь в храм. Этот извечный вопрос «Бога в душе»... И пришли к выводу, что если ищешь Бога, то рано или поздно в храм всё равно потянет. Со мной тогда было именно это. «Духовная недостаточность» в душе всё равно есть и тебе хочется её восполнить. Просто очень скоро ты понимаешь, что это должен быть именно храм со всеми вытекающими обстоятельствами. А «Бог в душе» – это как раз то, чего ты не понимаешь. Я и так знала, что Он есть, мне не надо было доказывать. Думать, что Его нет... Ну как это нет?

ГЛАЗА БОЯТСЯ

После занятий в университете я начала заходить в храм. И я дико этого боялась: не знала, что такое священник, вездесущие бабушки тоже смущали. И всё-таки я приходила, когда никого нет, садилась на лавку и понимала – вот! Вот то самое чувство, когда внутри меня полнота. Там в компаниях не хватает того, что я испытываю здесь.

Постепенно-постепенно, очень медленно и сложно мне приходилось себя ломать. Я отношусь к тем людям, которые предпочтут замкнуться и сидеть дома, если им страшно куда-то идти. Мне тяжело испытывать чувство несостоятельности… Только после прихода в Церковь я начала пытаться это изменить.

По мере «захождений» выяснилось, что мои принципы жизни очень похожи на христианские заповеди. Раньше я не понимала, почему делаю тот или иной выбор, просто знала: так нужно, а так нельзя. Друзья делают, а тебе что-то внутри не позволяет. Ты чувствуешь, что это не по совести. А потом узнаёшь, что это был просто грех, который ты не хотела совершать, иначе он бы нанёс тебе вред.

Однажды на день рождения мне подарили книгу Майи Кучерской «Бог дождя». Роман о священнике и девочке-прихожанке, которая искала себя и от безвыходности оказалась в храме. Она стала общаться со священником и даже исповедовалась у него ежедневно. Потом она поняла, что священник выслушивает кучу подобных исповедей. От внутренних переживаний его, может быть, разрывает на части, и он сам потихоньку начаинает исповедоваться у неё. Мне были не очень важны их отношения, но я поняла, что священник – это просто человек, которого Господь благословил быть звеном, через которое мы можем получить прощение грехов. Это естественная ступенька, которой не нужно бояться или относиться к ней как к чему-то чудесному.

Эта книга заставила меня задуматься об исповеди.

ОТЕЦ ВЯЧЕСЛАВ

И однажды я переборола себя. Пришла в храм, спросила на свечном ящике, в какое время проводится исповедь и каким образом. И наткнулась на очередное препятствие. В голосе женщины, которая говорила со мной, почувствовался пафос: «Пфф, а ты что, не знаешь, что исповедь проводится каждый день в полвосьмого?» И вот как после этого прийти? Особенно Тане, которая терпеть не может трудностей.

В интернете я начала искать информацию о таинстве исповеди. Долго порывалась пойти, но не знала, что сказать. Хотелось исповедоваться для очистки совести, что ли… Не скажу, что я чувствовала себя плохо, – наоборот меня устраивало всё происходящее. Но внутри скребло. Думалось: для чего-то же она нужна, эта исповедь. Это правильно, а значит, я пойду по правильному пути.

Когда наконец решилась, пришла, посмотрела на очередь, и сработало моё известное правило: «О нет, я не пойду: мне здесь будет некомфортно».

Потом я попала на вечернее богослужение Пасхи, когда награждали священников. Вот стоят они все, а я думаю: к кому из них я бы сходила на исповедь? Взгляд почему-то остановился на отце Вячеславе, хотя он никак не выбивался из общего ряда, да и мне было бы удобнее говорить с человеком постарше. Сейчас понимаю, что это, наверное, Божья воля, потому что если бы не отец Вячеслав, неизвестно, задержалась бы я вообще в Церкви или нет.

Решила, что если приду на Литургию и у аналоя окажется он, я буду исповедоваться. Всегда ходила в храм по воскресеньям и никогда батюшку не заставала, а однажды пришла в субботу и растерялась от неожиданности: передо мной была картина, которую я и хотела увидеть, и боялась. Но я же обещала! Да и подумала: должна же я когда-то начинать шагать вперёд, почему я всегда чего-то боюсь? Набралась силы и стала в очередь.

«ОПАЧКИ»

– Ты же будешь в храме до конца службы? Я выйду, возьму твой телефон, и мы поговорим.

Опачки! После исповеди я не поверила своим ушам. Он будет со мной говорить? Зачем это? Я судорожно ждала конца, потому что боялась предстоящего диалога.

Когда мы встретились, батюшка рассказал мне о том, что есть такое не любимое мною слово «братство». Сейчас мне больше нравится украинский вариант– «молодёжка». Просто это честнее, да и звучит лучше, не отталкивает.

Священник пригласил в братство, предложил поехать вместе с ним в Зарицу в следующий понедельник. Я согласилась, потому что неудобно было отказать. Стоит передо мной человек в чём-то чёрном и говорит, что повезёт меня куда-то – ну как я могу сказать «нет»? Всё, что я могу – сказать «да» и бежать оттуда без оглядки.

«СТОМАТОЛОГ»

Через неделю я пришла на следующую исповедь и уже действительно летела из храма как на крыльях. Но мысль о том, что я оставила телефон и сказала «Да, конечно», не давала мне покоя. Какое «Да, конечно»? Я не хочу никуда ехать!

Пришла на работу утром понедельника, рассказала девчонкам. Самое интересное, что девчонки – Аня Шулейко, Оля Амшей – постепенно тоже оказались в храме. Они стали надо мной шутить: «И чё, ты поедешь?»

Если ты боишься стоматологов, то начинаешь бояться уже с момента записи в регистратуре. Моё сердце пребывало в таком состоянии целый день: «Пусть понедельник растянется, пусть он будет вечностью».

После работы с облегчением еду домой на автобусе. Прикинула: там встреча начинается в 19:00, на часах уже полшестого, всё – он не позвонит.

В эту секунду... Да. Батюшка звонит и говорит что-то непонятное. Это потом мне стало ясно, что он сказал «иерей Вячеслав».

фото автора

НОВЕНЬКАЯ

Так «иерей Вячеслав» впервые отвёз меня в братство в честь преподобномученика Афанасия Брестского.

Попала в компанию странных для меня людей. Мне и сегодня не нравится во всех этих наших «группировочках» то, что нам очень сложно впускать к себе новичков. Батюшка меня представил, ребята посмотрели одним глазом – и всё. Никто не подошёл, ничего не спросил: ты просто не знаешь, куда себя приткнуть. Прочитали акафист, сели за стол, начали пить чай и беседовать на темы, для меня космические.

Я приехала домой, плакала, говорила: «Мама, я не пойду туда больше». – «Ну, не иди. Зачем, если тебе не нравится?»

Тем не менее в следующий понедельник я снова поехала в Зарицу с отцом Вячеславом. Теперь я понимаю, по какому принципу он действовал: нужно кого-то два раза завезти, кого-то три, а кого-то месяц возить, чтобы человек остался. Далеко не каждый будет сам приходить после первого же визита.

Мне казалось, что меня не принимают, всё происходило как-то настороженно. Беседы, во время которых люди не высказывают своё мнение: «Исаак Сирин говорит это, Златоуст – то, поэтому жить надо так»... Вообще ловлю себя на мысли, что часть ребят у нас в Зарице живут книгами святых, а часть – своими чувствами.

Все молодёжки заканчивались одинаково: было неуютно, попытки завязать разговор часто оказывались тщетными. Было двое ребят, которые очень помогли мне тогда... Каждый раз я думала, что больше не приеду, и каждый раз меня что-то туда тянуло. Сейчас я понимаю, что если тебе открылся Господь, то так или иначе Он приведёт тебя куда нужно. Все эти терзания очень сложно мне дались, но в конце концов всё устроилось.

Помню, кому-то пришла идея разделить братство на «старичков» и новичков, потому что первым было неинтересно со вторыми. Почему-то меня позвали к себе «старички», хотя мне и с новичками было не менее комфортно. Таким образом, ситуация, от которой я бежала в светском мире, догнала меня здесь. Но она воспринималась иначе: ты уже не можешь сказать, что ты один, потому что теперь есть Господь. Потом начались семейные передряги, которых я не выдержала бы, если бы не пришла к этому пониманию.

«Ты же не такая, зачем ты туда ходишь?» Когда светские люди говорят, что в храм ходят только «такие», ты, конечно, говоришь: «Нет, ну что вы!» Но когда начинаешь вариться во всей этой каше, то понимаешь, что мы действительно немножко странные»

«Ты же не такая, зачем ты туда ходишь?» Когда светские люди говорят, что в храм ходят только «такие», ты, конечно, говоришь: «Нет, ну что вы!» Но когда начинаешь вариться во всей этой каше, то понимаешь, что мы действительно немножко странные. Отец Вячеслав говорит, что если ты верующий, можешь быть потрясающим человеком, «своим парнем», но всё равно выделишься из толпы. А мне кажется, что можно и не выделяться…

ПРОСТО ДЕЛАТЬ

Однажды в братстве организовали выборы председателя. Путём тайного голосования мы с Ольгой Холоденко набирали наибольшее и одинаковое количество голосов. Сказать, что меня это удивило, – ничего не сказать. Я только-только начала приходить в братство, Евангелие не прочитала ещё ни разу. Какой председатель?

Я подошла к батюшке и сказала, что отказываюсь. «Ну, значит, будет Ольга, а ты – помощником», – ответил отец Вячеслав.

После этого началась активная жизнь: поездки, мероприятия, на которых собирается молодёжь. Меня это очень радовало. Я увидела, что есть люди, такие же, как я, более того, они создают нужные проекты. И вот уже сама эта деятельность стала меня привлекать. Я видела, что они делают всё просто так, ради других людей, ради Бога. Потому что им этого хочется, они считают это важным.

Мне тоже захотелось просто делать. Желательно в больших масштабах. Идеи рождались после форумов, часть из них реализовывалась. У меня уже не хватало времени на глупости и лень.

Когда приходишь в Церковь, от чего-то отказываешься навсегда, от чего-то – на время. В какой-то момент я поняла, что храм стал для меня всем. Я говорила про православие всюду. Мама уже начала опасаться этой новой жизни, которая всецело меня поглотила. У всех, наверно, родители так реагируют, особенно у девочек.

НИЗЯ!

Мои трудности никуда не исчезли, но я чувствовала, что наконец выбралась из своей коробчонки и начала жить. Мне нравилось то, что я делала.

Ещё я умудрялась всем об этом докладывать. Приезжала на работу, где 22 женщины, у части из которых семья, и рассказывала, о чём они должны говорить со своими детьми.

Или вот это. Тебе 26, а ей 35, и ты начинаешь: «Аборт – это неимоверной величины грех! Пилюли и спирали – это абортивные средства контрацепции!» Она говорит, что у неё дома муж и дети, она сама знает, как их прокормить, и лишний рот в её семье не нужен. А ты ей: «грех, грех»... Но всё-таки меня слушали по полчаса. Кто-то смеялся, кто-то прислушивался, а я прям горела.

МУРОВАНКА

Православие помогает узнать ещё одно.

Ты не становишься бесчувственным, но понимаешь, что люди, которые в жизни обделены чем-то физически, могут быть по-своему счастливы. Если раньше я видела человека в инвалидной коляске и думала, что ему не повезло, то сейчас у меня другие мысли на этот счёт.

С братством иногда приезжаем в Мурованку, в дом-интернат, где живут люди с психическими отклонениями. Ты смотришь на это всё, и Господь позволяет понять: человеку это дано потому, что для него это, может быть, во много раз большее счастье. Да, физически он себя хуже чувствует, но откуда я знаю, насколько он счастлив? Как Ник Вуйнич, который живёт без рук и ног, но посмотрите на него! Он живёт полноценной жизнью, у него жена, двое детей. Ник говорит, что не нужно бояться падать, и сам демонстративно падает и встаёт без помощи рук и ног. Таких людей стоит слушать, когда ты сам ноешь из-за ерунды.

В Мурованку мы попали благодаря отцу Иоанну Гладуну, который окормляет ребят из интерната.

Когда только начинаешь ездить, испытываешь жалость, ни в чём не хочешь отказывать. А потом понимаешь, что можешь говорить «нет», потому что человек живёт полноценной жизнью. Хотя сочувствие в определённой степени остаётся.

В Мурованке есть очень одарённые ребята. Я всё время говорю «ребята», но они взрослые люди, просто ведут себя как дети. Ко многим я обращаюсь на «вы», хотя понимаю, что им всё равно.

Ребята, которые участвуют в спортивных конкурсах и побеждают, имеют право на приз – им выделяется отдельная комната, в которую они могут точно так же выиграть-холодильник, микроволновку и прочее.

Вот ты заходишь в комнату такого парня-футболиста. Это молодой человек, которому 25-30 лет, он разговаривает с тобой вполне адекватно. Если его помыть, побрить, вставить ему зубы, то он выйдет на улицу, и девушки на него оглянутся. Он покупает себе продукты, готовит. Мы спрашивали, можно ли вот так выйти отсюда. Оказывается, можно: ты сдаёшь аттестацию «адекватность» и уходишь в мир. Многие так и делали, но через некоторое время возвращались. Парень сказал: «А я не хочу. Тут у меня есть что-то, а там нет ничего». Они живут в своём мирке, где есть комната, футбол, друзья. Учатся на штукатуров-маляров – даже почти отремонтировали здание интерната. Им нужно, пожалуй, только внимание. Это то, что мы можем дать. А ещё пытаемся говорить с ними о православии. Многих там крестили, причащали.

На одном этаже с сознательными ребятами живут и очень-очень тяжёлые. Они не разговаривают, не кушают сами. Когда поднимаешься на этаж, всё время слышны крики и стоны. И вот больные, которые в состоянии сами о себе позаботиться, помогают медперсоналу обслуживать самых тяжёлых больных. У каждого есть свой подопечный. Они умудряются делать там то, чего мы не делаем здесь.

ЕСТЬ ГОСПОДЬ

После вторых выборов председателя мне всё-таки пришлось им стать. У меня по-прежнему хватало идей и энтузиазма, но я по сути своей не могу ничего делать в одиночку. Мне нужна хотя бы моральная поддержка других. С этим у нас не всегда было просто, да и руководить я не хотела.

Там, где раньше могла смолчать, теперь говорила. Из-за постоянного напряжения становилась резкой. Мы пытались привить нашим ребятам понимание того, что руководитель – это не исполнитель, а тот, кто должен собрать людей, организовать работу. И да, ты действительно должен, но мы же православные – у нас всё добровольно. А на нет и суда нет.

Но вера всё равно становится частью тебя. Да, внутри Церкви тоже бывает сложно общаться с людьми, бывает невыносимо бороться с собой. Здесь такая же система руководства, как и везде, такие же проблемы и решения. Но тебя не отворачивает от этого и уже не отвернёт. Меня будет это терзать, огорчать, но в то же время я знаю, что есть Господь. Есть в принципе и есть у меня лично. Разве существует хоть одна достойная причина, чтобы добровольно Его потерять?

12

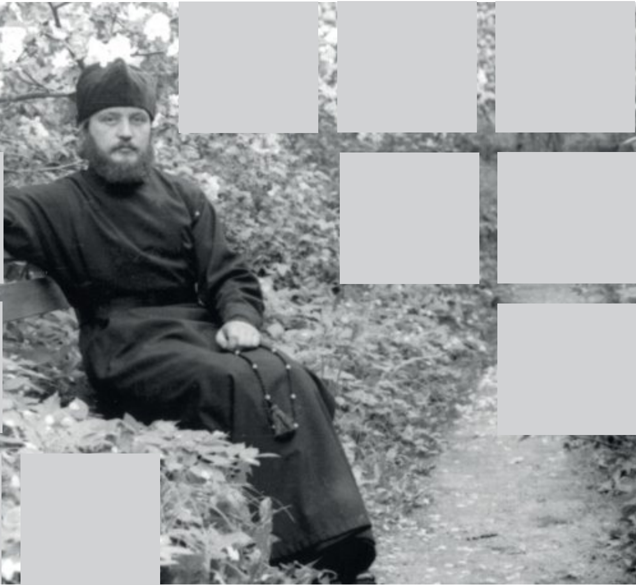
РЕПЛИК

О ЖИЗНИ

4 февраля 2016 исполняется 20 лет пребывания на кафедре Высокопреосвященнейшего Артемия, архиепископа Гродненского и Волковысского. «12 реплик о жизни» – наш «квадратно-текстовый» спецпроект в преддверии даты. Перевернув страницу, найдёте несколько фраз, которые сегодня кажутся нам важными.

1

ПРИКРЫВАЕМСЯ ПОСТНОЙ КАШЕЙ

Многие считают, что только патриарх и синод отвечают перед Богом за положение в Церкви, а остальные – маленькие винтики, от которых ничего не зависит. Но ведь Евангелие говорит противоположное: каждый человек несёт ответственность за целый мир.

В 30-е годы прошлого века архиепископ Августин опекал монахинь из закрывшихся монастырей. Дал послушание помогать заключённым, которых везли в лагеря. Сёстры вязали варежки, носочки, шарфы и отправлялись на вокзал. Когда проходил товарняк с заключёнными, подбегали и отдавали им эту одежонку. Помню слова из рассказа одной монахини: «Особенно было жалко этих узбеков». Вот перед ней мусульмане – люди другой религии, – часовой, который имеет полное право выстрелить. Подойти невозможно – сама можешь попасть в этот вагон, если ты такая добрая и хорошая. И всё-таки она подбегает и отдаёт, потому что ответственна за этих людей. Она ответственна за то, что происходит в истории.

Мы же, как черепахи, прикрываемся панцирем – постной кашей и «барабаном» молитвы. Бубним правило, которое до Бога не доходит. Начинает доходить до головы, но в душу точно не пробирается. Вычитали объём «заклинаний», не ели ничего... И вот таким шаманским образом причисляем себя к христианам. А от православной жизненной позиции и духу нет никакого.

Ответственность обоюдна: у пастыря за паству и наоборот тоже. Важно не быть безразличным. А то ведь как? Ты иди на смерть, а мы на кухне сядем, включим телевизор и посмотрим, как ты будешь умирать. И скажем: «Да... Что-то слабенько. Мало кричал перед смертью... лозунгов». Но все должны быть плечом к плечу.

ДАР ЖАЖДЫ СМЕРТИ

Христианство потеряло соль. Христианство потеряло свет. Невозможно исполнить своё предназначение, приспосабливаясь. Иначе получается, что Христос всё сделал неправильно. Нужно было поехать в Рим, подписать договор о сотрудничестве с императором, пообещать ему нравственный подъём населения на оккупированной территории – борьбу с наркоманией, проституцией, ещё с чем-нибудь. Попросить здание соответствующее, сделать апостолов архиереями. Император соглашается – и дело закипает совсем по-другому! Но нет, апостолы ходили, как бродячие музыканты, проповедовали Евангелие. И в результате, по слову святителя Иоанна Златоуста, «заквасили целую вселенную».

Поэтому нам надо возвращаться к истокам древней Церкви. Во все времена всем народам свойственно «заземляться», но чтобы жить, каждый росточек поднимает голову к небу. И мы тоже.

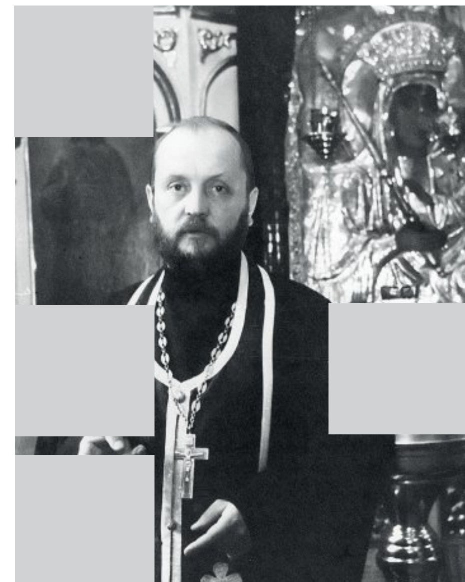
Я бы сказал даже, что потерян дар жажды смерти. Смерти как рождения. Мы смотрим на смерть как на уничтожение, но это не по-христиански. Если мы понимаем смерть как рождение, появляется стержень внутри нас, который позволяет не быть малодушными, верить по-настоящему.

Вот пример события времён древней церкви: мать с ребёночком бежит в амфитеатр, чтобы умереть за Христа. Ей кричат: «Зачем ты ребёночка берёшь?» Она в ответ: «А как я его брошу? Что, он не спасётся?» Советская власть хвалила всех пионеров-героев, жертвенно отдавших свою жизнь, а христианство потеряло даже память об этом.

Неужели хоть одна мать сегодня сказала бы принципиально: «Сыночек, отдай жизнь за Христа». Скорее: «Не высовывайся, не показывай, что ты христианин. Сядем дома, почитаем акафист, а на людях оставайся таким как все». Вот это «как все» – и есть самая страшная эпидемия, которая убивает нашу жизнь. Святой Серафим Саровский говорил, что у последних христиан самой тяжёлой болезнью будет теплохладность. Такое безразличие к спасению охватывает сегодня, видимо, нашу Церковь.

И снова из древней церкви: все бегут, а христиане совершают захоронение усопших. Сами заболевают, сами умирают, но остаются. Что это за люди? Это же сверхлюди! Они какие-то «ненормальные», они люди неба. Кто сегодня скажет, что христиане – люди неба? Пора выползать из болота и возвращаться на небеса.

2

3

АНТИКРИЗИС

Считаю, что человек должен жить хорошо, в достатке, но не в роскоши. Это естественный принцип жизни. Это достижимо, если человек живёт правильно. Если ты не пьяница, не развратник, то домашние дела твои будут идти успешно. А если ты живёшь, как шалтай-болтай, то и дом у тебя будет такой же. Но мы теряем даже этот принцип. Обстоятельства? Кризисы? Но ведь можно попробовать не зависеть от них. Есть, скажем, семья, которая занимается сельским хозяйством просто для себя – люди выращивают фрукты и овощи, стараются кушать естественные продукты. Если бы каждый себя немножечко подкармливал хоть так, кризисы и экономические всплески переживались бы намного легче.

Может быть, наступает время, когда христианская община должна так заявить о себе. Знаю, например, что в Подмосковье уже есть очень развитое хозяйство, которое формируется на базе прихода. Кстати, это не новость, в Союзе бывало то же самое: уполномоченный по делам религии убирает из Москвы активного батюшку, который попадает потом в далёкую Псковскую область. Его чада духовные – пенсионеры, семьи – едут вслед за священником, покупают в деревне дома, живут, работают. И получался самый передовой колхоз, который не зарегистрирован как колхоз. Власти не знали даже, что делать с такой странностью. Сегодня этот опыт может пригодиться.

ГДЕ ПРАВОСЛАВНЫЙ?

Внешнее благоустроение часто ставится во главу угла. Вы где-нибудь видели отчёт, в котором написано: «На столько-то верующих в нашем храме стало больше»? Будем говорить о куполах, о том, сколько регентов новых, сколько мраморных иконостасов, но нигде никто не пишет, во сколько раз возросла община и насколько она активна.

Это ж трудиться надо! У некоторых протестантов есть правило, согласно которому принявший крещение должен привести к вере двоих-троих человек, чтобы быть полноценным членом общины. А почему у нас таких традиций нет? Владимир Сорокин, мой преподаватель, говорил: «Тебе никто на работе не скажет: «Почему ты не пьёшь, ты что, православный?» Говорят: «Ты что, баптист?» А почему не православный? Наоборот, если пьёшь – вот это «православный»! Вызывает улыбку, но это реалии. И реалии, к сожалению, ведущие к деградации. Душа мечется, она опустошена. А питать её нечем. Кроме лозунгов…

ЭПИЦЕНТР

Епископ должен собирать всех вокруг себя. Знаете, как пастухи в горах спасают овец от волков? Допускают в стадо несколько козлов. Когда нападают волки, овцы сбиваются в кучу вокруг козлов настолько плотно, что волк не может прорвать оборону. Если же каждая овца бродит сама по себе, волк выгрызает всё стадо. Роль епископа – быть этим самым эпицентром, вокруг которого собираются овцы, когда стая волков нападает. В мирное время епископ, может быть, не так важен.

Роль администратора для меня тягостная. Она какая-то безблагодатная. Когда я был простым священником, служил по крайней мере 4 дня в неделю. Архиерей столько не служит. Чем меньше батюшка, тем больше он молится. А диакон – самый счастливый – небольшая ответственность плюс почти каждый день на службе. Будучи простым священником, ты всё-таки ездишь к людям, причащаешь, отпеваешь усопших, люди тебя знают, ты знаешь людей, чувствуешь семейную поддержку, чувствуешь, что ты нужен. А архиерей – он всё больше ругается. Потому что надо наводить порядок, давать распоряжения, а это всегда для кого-то проблема.

У меня психология осталась протоиерейская. Поэтому я, когда стал епископом, сказал священникам: «Братья, мы с вами одной крови». В этом уверен до сих пор. Один человек как-то сказал: «Владыка держит принцип «старшего брата». Получается или нет, не мне судить.

Присущие псевдоблагочестию поклоны и воздетые руки мне как-то не по душе. Я насмотрелся в своей жизни всего этого и не вижу полезного результата. Лучше нормальная человеческая беседа, чем громкие слова.

6

ПУСТЬ ЕЩЁ ПОСТОИТ

С одной стороны, у молодого священника много семейных забот, и это немножко тормозит его развитие в служении. А с другой – молодой человек всегда более искренний и более старательный. Господь не зря избрал Иоанна Богослова. Искренность позволяет стоять у креста и не убегать, хотя, я думаю, достатка у апостола не было и забот хватало.

Вообще, мы не делим на «больших» и «маленьких». Делим на искренних и неискренних, способных и не очень. Уверен, что не нужно рукополагать, если у человека способности слабенькие. Пусть ещё постоит... Пусть придёт тот, который не навредит, а принесёт пользу.

На нас – верующих советской эпохи – сама жизнь в тех условиях оставила свой след: страх, приспособленчество. А вы выросли и даже не знаете, что есть такие «болезни». И вы поступаете искренне – «А как иначе? Я же христианин». Молодые более образованны, более активны, но не всегда различают белое и чёрное, потому что им не с чем сравнить. Борьба верующих за выживание в советский период была тем и полезна, что дала этот навык различения.

7

В ПОИСКАХ ОРАКУЛА

Люди часто ищут в священнике того, кто ответит за все их поступки и решения. В батюшке видят оракула, который будет диктовать тебе как жить. А ты уже ни о чём не думаешь. Батюшка, мне выходить замуж? Поступать в институт? Идти в монастырь? Человек решает эти вопросы сам. Ни один духовник не вправе нас заставить что-либо делать. Владыка Антоний Сурожский приводил такой пример. Молодой священник венчал две пары, посмотрел на них пристально и говорит: «Поменяйтесь невестами». Он, знаете ли, «прозорливым» своим оком увидел, что та ему лучше по росту подходит. И разрушил две семьи. Порисовался старцем. Священник в прелести – это понятно, но и верующие виноваты в том, что часто ищут лёгких путей в жизни. Если подобное случается, значит, запрошен такой стереотип – люди не ищут христианства и не стремятся менять свою жизнь по существу.

8

ВРЕМЯ, ОТДАЛЯЮЩЕЕ И ПРИБЛИЖАЮЩЕЕ

Иногда хочется ещё больше убежать от мира. Когда я был священником, думал: всё – уйду на хутор какой-нибудь, буду отшельником. А потом меня митрополит отправил в этот водоворот. Сейчас что-то хочется опять на хутор. Вот у Пушкина до ссылки в Михайловское не было зрелых произведений. И Святой Серафим Саровский ушёл от суеты, от монастыря, от администрации. Тоже надо... А с другой стороны, без людей-то смысла нет от всего твоего одиночества. Сердце бьётся вверх и вниз, поэтому, видимо, в жизни всё должно сочетаться.

Нужно быть открытым для других, когда есть что сказать. А когда у тебя за душой ничего нет, что ты скажешь?

«РЕВОЛЮЦИЯ ПОМОГЛА – УЖАС!»

Пленили Церковь ещё в дореволюционный период, это нужно помнить и не делать больше из веры политическую структуру – «самодержавное православие». Я против, пусть сторонники этого обижаются. Церковь должна быть свободной, но не захватывающей власть – это ещё более опасно.

Признак Церкви – быть гонимой. Вспомните: Спаситель, апостолы, мужи апостольские, раннехристианские мученики, Николай Чудотворец, Иоанн Златоуст... Митрополит Филипп убит верующим царём, жутко мечтавшим стать монахом. Преподобномученик Корнилий убит царём Иоанном Грозным, святитель Арсений – замучен.

А что Пётр I с церковью сделал? Превратил её в государственный орган.

В 1917 году не могли собор начать, потому что император не разрешал, революция помогла – ужас!

Про послереволюционный период и вовсе речи нет. Первый вопрос, который появился у духовенства в начале революции: какому ведомству мы принадлежим? Вот к чему пришли. И основная масса ведь последовала за советами. Исповедники – это же треть, не более, я думаю. Те, которые опомнились... Вот и сейчас нужно опомниться. Христиане должны учиться спасаться. А архиерей, если видит опасность со своей колокольни, должен сказать о ней первым, предостеречь, потому что сверху лучше видно.

9

10

«ВРАЧ» И ЕГО «МЕДИЦИНА»

Когда я ещё был священником, ко мне пришла женщина и спросила: «Почему у вас в церкви так неуютно?» Я говорю: «У кого это – у вас? Вы крещёная?» – «Да». – «Вы верующая?» – «Да». – «Вы член Церкви?» – «Да». – «Что вы для Церкви сделали за ваши 47 лет?» – «Ничего». Сегодня свечку поставили и сразу произвели над Церковью суд. Когда гонения были, вы защищали Церковь? Вы отстаивали право ваших детей не быть атеистами? Вы вели их в храм? Вы сегодня что-нибудь делаете для Церкви? Или только батюшки должны делать? Священник – не прораб, он должен, как врач, заниматься своей медициной, а храм строят верующие. Но вы не строите, а потом спрашиваете: «Почему батюшка пить начал?» Потому что стройматериал доставал для вашего храма. Осуждать легче всего. А вот самому что-то сделать – на это мы не способны.

11

ЧТО МОЖНО ПОКАЗАТЬ БЕЗ СЛОВ?

Библиотеку. Её объём и состояние книг свидетельствуют о статусе места.

Иконы. По ним можно определить духовный характер.

В храмах какие иконы чаще всего можно увидеть? В основном – «по интересам»: «Пантелеймон – от болезни», «Татьяна – для учёбы», «Катерина – для жениха» – весь набор. Это говорит о том, что у людей потребительское отношение к христианству.

В храмах нашей епархии много икон новомучеников, и для некоторых это проблема. Её суть хорошо выразил один священник из Бутово, он писал: «Когда построили храм новомучеников, бабушки растерялись. Им не нужны новомученики». У того, кто был замучен и расстрелян, как-то неловко просить квартиру или жениха. «Помоги мне иметь истинную веру, быть настоящим христианином» – единственная возможная здесь молитва.

Считаю, что в храмах должен преобладать евангельский сюжет. Как бы люди ни почитали святых, не нужно потакать молитве «по интересам». В западных храмах есть традиция изображать на иконах крестный путь Спасителя: смотришь – и действительно, есть о чём подумать. Должны быть представлены Спаситель, Богородица, апостолы, чтобы человек вошёл в храм и почувствовал христианскую позицию.

12

ЕСЛИ БЫ ПЯТИЛЕТНИЙ РЕБЁНОК СПРОСИЛ, В ЧЁМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВАШЕ СЛУЖЕНИЕ ?

Ищу Бога. Слышу Его, но найти ещё не могу. Уже гораздо лучше слышу, понимаю, куда нужно идти, но продолжаю искать.

PRO ЖИЗНЬ

Сквозь густую цивилизационную накипь нужно нырять на глубину смыслов (так ныряют ловцы за жемчугом). Мир оттого стал пёстрым и шумным, как уличная женщина, что хочет зазвать к себе свежую кровь и молодую неопытность.

Протоиерей Андрей Ткачёв

фото Игоря Ждановича

Анна Дудкова

ПЯТЬ ТОЧЕК НАД «і»

для тех, кому «хорошие не попадаются»

Жениться или выйти замуж, в принципе, дело не хитрое. Чего там – пара колец, голуби и много людей, которых ты видишь впервые. Но как найти того, кто будет вместе с тобой с милой иронией рассматривать всё это? А если я ищу к тому же верующую (верующего) в спутники жизни, задача усложняется вдвое. О том, как православному найти свою половинку, рассуждает кризисный психолог Михаил Игоревич Хасьминский.

Пикапер или нормальный?

Девушка может встретить парня, с которым и причин-то знакомиться нет – настолько он неинтересный, «тряпка» или инфант. Случается, что за оболочкой веры человек скрывает свои проблемы. И такое происходит часто. Но почему?

Во-первых, люди не умеют правильно знакомиться. Сейчас используют разные извращённые методы, чтобы этому научиться. Например, пикап. Совершенно неопытный человек овладевает специальными приёмами манипуляции. И тут включается страсть: у него получается, хочется использовать приёмы как можно чаще. Предположим, у парня нет обломов, он пробует всё, пресыщается. Поиск жертвы становится обыденностью, удовлетворением страсти, экспериментом. На это тратится много времени, сил и денег. Это охота – чем больше действуешь, тем интереснее жертва.

«Начать заниматься пикапом – значит расписаться под тем, что тебя нужно учить быть нормальным»

Начать заниматься пикапом – значит расписаться под тем, что тебя нужно учить быть нормальным, что ты – неудачник. А ведь некоторые думают, что это им действительно поможет, но всё совершенно наоборот.

У такого человека неправильный внутренний стержень, вокруг которого развивается личность. Ведь что будет, если пикаперу попадётся верующая девушка? Всё начнётся со знакомства, а дальше не пойдёт, не будет возможности завершить миссию, так сказать. Суть в том, что у неё-то стержень другой – другие ценности.

Уделил внимание

В обществе очень популярна фраза «бери от жизни всё». Нужно попробовать всю еду, все развлечения, всех женщин. Так рождается категория пресыщенных мужчин, которым нужно всё, и без разницы что. Это глубоко порочное явление, человек в плену страсти.

А некоторые женщины, в свою очередь, доходят до мысли, что им нужно «просто внимание». Внимание – это универсальная валюта. Молодой человек уделил время, принёс цветы, сводил куда-то – и она твоя. Достаточно только уделить внимание. Отсюда и мода на откровенные одежды и доступность.

Сегодня мужчины перестали играть главенствующую роль. С них как бы сняли ответственность. Женщина часто больше зарабатывает, принимает основные решения. Многие слабые мужчины начали «отваливаться» от семьи – спиваться или садиться на шеи жён. В такой семье вырастают дети, они видят совершенно ненормальные отношения. Соответственно, в семье, которую создают они сами, уже нет чётко прописанных ролей для мужчины и женщины. Всё смещается в «унисекс». Но всё-таки у женщин желание иметь семью глубже. Женщиныи меняются медленнее. Поскольку найти мужчину сейчас для них – проблема, начинается конкуренция. Вообще мальчиков рождается больше, но из-за различных причин, в том числе и в силу психофизического развития, где-то в подростковом возрасте количество детей обоих полов становится равным, а в юности девушек уже больше, чем парней. И как конкуренцию выдержать? Самый простой способ – это показать себя. Перед самцом, так сказать, открыться. На самом деле, на примитивном уровне это лучше всего действует. И чем более оголенный человек, тем более он сексуально привлекателен. А если он сексуально привлекателен, то к нему тянет, то есть уже не качество отношений играет роль, а возможность

просто заинтересовать самца. Включаются животные инстинкты, где женщина волей-неволей начинает манипулировать мужчиной.

Маскировка под смиренных

Почему же ещё люди боятся знакомиться? Если понравилась девушка, почему не подойти и не познакомиться? Проблема в образе – в образе «крутого парня». Девушка-то может ответить отказом. А как это бьет по самомнению! Яркий пример гордыни: не боится знакомиться, а попросту боится отказа.

Во-вторых, у некоторых существует представление, что девушка должна стоять в сторонке, потупив глаза, и ждать, когда же её выберут. А вот если она проявит инициативу, то это уже несмиренно, возмутительно и неправильно. Такая же пассивная ситуация бывает и у мужчин. Всё это – маскировка под смиренных. Именно маскировка. Ведь исторически известно, что раньше девушки надевали яркие одежды и красились, чтобы выделиться. На балу не стояли, опустив глаза. Я сам видел учебник из Ярославского Института Благородных Девиц. И вот что там было написано чёрным по белому: «Приёмы привлечения внимания молодого человека». Что это вообще, как не пикап дворянский?! Определённые правила, с помощью которых девушка привлекала внимание мужчин. И это не порицалось обществом, считалось абсолютно нормальным и естественным проявлением начала общения. Но, конечно, при этом девушки не соревновались в длине мини-юбок и в степени доступности.

Если уж ты капитан

В-третьих, женщины не любят мужчин, которые выступают в роли жертв – явных слабаков. В наше время это распространено из-за неверного воспитания: мама может излишне пожалеть, парень привыкает, а потом и в собственной семье показывает слабину. Не любят скучных, наглых (хотя не всегда), примитивных. Всё чаще встречаются такие, которые ничего не читают, не изучают. Кому нужен парень, который говорит только про секс и алкоголь? Или девушка, рассуждающая лишь на тему маникюра?

«Не любят скучных, наглых, примитивных»

Чтобы девушка ответила тебе взаимностью, её нужно чем-то заинтересовать. И уж точно не неприличными предложениями, а харизмой, чувством юмора, интеллектом, возможно, каким-то опытом – внутренними качествами, а не телесными. Кому нужен отец ребёнка, который сам ещё читает по слогами, не знает ничего, кроме осуществления физиологических потребностей? Если больше нечего предложить, то чем, собственно, он отличается от животного?

Ревность тоже в этой теме. Ревнивый человек – это человек, постоянно ищущий внимания под влиянием страсти. Потому что внутри себя нечего отдать, хочется только взять. Это выдаёт ограниченность внутреннего мира. Проявляется эгоизм с обеих сторон. Начинается борьба, возникновение конфликта на ровном месте, предъявление претензий. В конце концов люди расходятся по разным сторонам.

Ещё девушки не любят тех, кто считает себя самым умным. Например, начали встречаться молодой человек с девушкой. Оказывается,она должна удалиться из социальных сетей, слушать только его, делать, как он скажет. При этом юноша не

берёт на себя ответственность за эти отношения. Если уж ты капитан, то и ответственность неси за корабль! А так встречаются по три года, но почему-то не женятся. Интересно получается.

Привлечь девушку можно самостоятельностью, заботливостью, ответственностью, адекватностью, желанием помогать и любить. Жертвенностью, искренностью. В том числе искренней верой. Вот эти редчайшие качества в нынешнем мире очень привлекательны.

«Не могут узнать того, кто им подходит, потому что не в состоянии даже сформулировать представление о его качествах»

Роли и сцены

В-четвёртых, нужно разделить себя и свой образ. Честно смотреть на себя, а не вживаться в роль. Всё-таки когда человек естественный, настоящий, он может свободно общаться с людьми. Незачем думать, насколько ты соответствуешь образу, как о тебе подумают окружающие, увидев твои плохие качества. Ты естественный. В тебе есть как недостатки, так и достоинства. Всё просто: нужно быть собой. Не казаться, а быть. Когда тебе будут говорить о твоём недостатке, нужно это учесть и работать над собой, а не выбрасывать агрессию в ответ.

В-пятых. Нужно обитать в правильных местах. В клубе не найдешь семейную девушку. Туда не идут создавать семью. Часто слышится уверенное: «Мне хороший парень не попадается!» Значит, не там ищешь. Нужно понимать, где будет находиться тот, кто нужен. Где ты, там будет и он. Что касается знакомств в социальных сетях, то здесь присутствует опасность. Презентуется всего лишь образ, часто выдуманный.

Собственно, зачем?

Если человек собирается знакомиться, он должен знать, чего хочет от знакомства, поставить цель. Просто узнать телефон? Неразумно. Это просто желание потешить свою гордыню. Хочет продолжительных отношений? Тогда нужно понимать, что такое любовь.

Сегодня модно говорить «люблю – не могу!» на начальном этапе отношений. Многие не понимают, что такое любовь, а любовь – это в первую очередь самопожертвование. Человек должен знать, что отношения развиваются на стезе жертвенности. Отношения не для того, чтобы от кого-то получить внимание, секс или еду, а для отдачи друг другу, для созидательного.

Часто можно услышать фразу: «У всех есть, а у меня нет» – ещё один пример гордыни.

Чтобы понять, кто человеку нужен, советую провести эксперимент. Нужно взять 20 бумажек и написать на них желаемые качества будущего избранника или избранницы. Писать конкретные слова, например, порядочный, хорошее чувство юмора и прочее. Теперь переходим к самому сложному. Далее нужно по одному откладывать незначимые качества и идти постепенно к самому важному. В итоге должно остаться 4 качества. На них и нужно обратить особое внимание. Ведь все 20 в личности найти нельзя. Иногда человек сталкивается с трудностями уже на этапе поиска 20 качеств, ведь все хотят «хорошего», хотят чувств, а конкретно представить это себе не могут или требования их завышены. Не могут узнать того, кто им подходит, потому что не в состоянии даже сформулировать представление о его качествах.

Если человек не понимает, кто ему нужен и зачем, если с этим проблемы, значит, для встречи он ещё не созрел. Разбирайтесь в себе, учитесь, узнавайте.

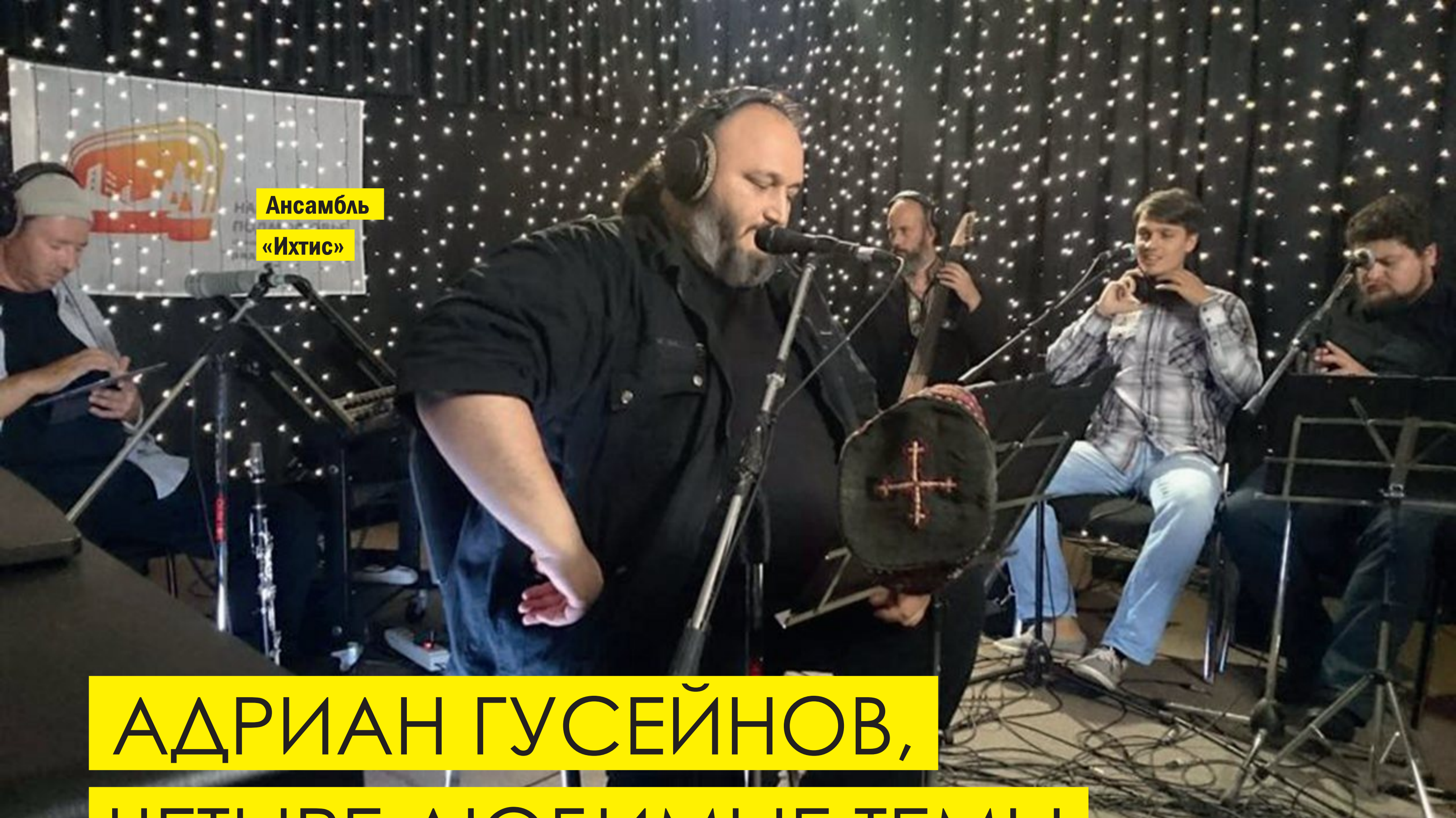

В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

Хоть и сто раз прав Экзюпери, мы в ответе не только перед теми, кого приручили. Мы в ответе и перед Тем, Кого нельзя приручить; и перед Его голосом в нашей душе; и перед множеством людей, большинство из которых мы не знаем по имени.

Протоиерей Андрей Ткачёв

фото из архива Адриана Гусейнова

Ансамбль «Ихтис»

АДРИАН ГУСЕЙНОВ, ЧЕТЫРЕ ЛЮБИМЫЕ ТЕМЫ И ОДНА ХЕВСУРСКАЯ ШАПКА

Продолжим: подмосковное Плёсково, полудождь-полутуман, лавочка, застеленная синим пледом, Адриан без пальто, я в двух пальто и в двух ботинках. И это, между прочим, очень важно – не так уж много людей ходит по Москве в конце ноября в ботинках. Кое-что ещё более важно: у нас катастрофически мало времени. Так что пока не пришёл мой единственный московский автобус, давайте слушать нашего героя, иначе неизвестный коварный водитель скоро лишит нас приятного общества.

НАЧНЁМ С ГЛАВНОГО

– Все интервью с вами делятся, как правило, на три, максимум на четыре части: музыка, школа, флешмобы и, может быть, ещё Бог. И, в общем-то, мы тоже сделаем так. Но что бы вы хотели добавить в эту схему? Может, сейчас есть что-то, что вы считаете важным? Что-то, что хотелось бы сказать?

– Готов говорить обо всём. У вас есть какие-нибудь нелепые вопросы? Давайте.

– Есть. Откуда у вас концертная шапка?

– Мне батюшка привёз из Абхазии. Это традиционный хевсурский головной убор, который мужчины надевают, становясь на домашнюю молитву, или по дороге в храм. Это часть христианской истории народа. Мне она как-то пришлась по душе. Хорошая? *(Улыбается.)*

– Определённо!

ЕЩЁ НЕ ЛИТУРГИЯ, УЖЕ НЕ ФОЛК

– При всём разнообразии славянского фолка складывается впечатление, что в нашем народном творчестве практически нет музыкальных традиций, связанных с религией. У евреев они есть, у сербов тоже. Есть популярные не богослужебные песни, которые, тем не менее, о Боге, считалки для детей, повествующие о библейских событиях. Почему у нас с этим так сложно?

– Вот в чём я уверен.

Не имея в себе ни капли славянской крови, свидетельствую, что ни у одного народа так ожесточённо не выкорчёвывали народную духовную культуру, как у русского. Имею в виду и украинский, и белорусский – я не разделяю эти понятия.

Речь идёт обо всём, что принесла нам революция.

В Сербии, в Грузии сохранились такие песнопения, а вот почему-то у русских уничтожали не то что веру, а вообще народную культуру. Делалось это сознательно, остервенело, очень жёстко. Откуда такая бешеная ненависть? Мне кажется, это что-то инфернальное, поскольку в основе нашей культуры лежат христианские, духовные понятия. Василий Ирзабеков, например, открывает этот момент, доказывая, что сам русский язык основан на Евангелии.

– А вы что-нибудь находите из того, что вот так утеряно? Из русского.

– Мы начали с сербской культуры, потому что она лучше сохранилась, да и просто нас вдохновила. В то же время наполняем наши программы русским духовным фольклором, потому что, видит Бог, нам это нравится не меньше сербских песен. Мы поём более чем на десяти языках, но русский, конечно, нам ближе всего. Наша цель в том и заключается, чтобы доставать эти вещи и делать их популярными. Чтобы молодёжь запела… Наши песни поют уже, это удивительно и радостно. Что бы там ни говорили, всё равно духовное возрождение идёт.

– Чем отличаются друг от друга сербские, русские, другие канты?

– В сербских народных духовных кантах много жизнерадостного и восхваляющего. Русская духовная культура более покаянная, если не считать колядок, большей частью о памяти смертной: «Ах, душа, куда ты пошла?…» – в таком стиле.

Нам же хочется песнями духовно ободрять людей.

– «Грешный человече»…

– Да, но там всё-таки жизнеутверждающее содержание – песня о человеке, который презрел всё земное. Встречаются ещё более покаянные контексты. Как-то у нас был проект с одной певицей – «Песни о смерти». И в нашем духовном фольклоре их оказалось столько, что можно было только русское и петь. Но у нас же и так сейчас многие в унынии находятся, а мне хочется сказать: «Ну проснитесь! С нами такой Бог, чего бояться-то?» Поэтому пока стараемся петь радостное. Хотя, может, и сделать диск «великопостный»… Но я боюсь, что это получится такой мрачняк! Мы ведь ещё и инструменталкой усиливаем эффект. При этом хочу подчеркнуть, что речь не идёт о принижении важности покаяния, упаси Бог!

– Вообще, это слово «канты»… Оно мне напоминает слово «литератор» – ещё не писатель, но что-то пишет. Или разницу между словами «искусство» и «креатив». Вас устраивает это слово?

– Нет. Оно в обиходе, поэтому я его иногда использую, но слово «канты» мне не нравится по звучанию. Это как слово «флешмоб»: мы долго бились над тем, чтобы найти русский синоним, но не нашли. Причём, привлекая специалистов, не нашли, а потом подумали – да пусть. Как такой миссионерский приёмчик оставили. Импортное слово, завлекающее.

– Поговорим о находках. Как это происходит? Как ищете канты? Где?

– Они удивительным образом приходят сами. Конечно, я в интернете многое нахожу, у меня есть записи с экспедиций – копаюсь в этом, но сейчас, когда мы стали более или менее известны, нам присылают тексты. Уже зная наш стиль, часто попадают в десятку. А так с 1994 года я пою в церковном хоре и, конечно, с тех пор накопился багаж таких песен. То, что мы записали за два года – это хиты, что называется. У меня не было цели штамповать музыку. Пока есть два альбома, а сейчас уже думаю о третьем.

– Что должен знать человек, который захочет заниматься тем же, чем и вы?

– Будучи музыкально одарённым, ему нужно любить духовную культуру и заниматься этим как служением Богу. Не нужно «ремеслухи».

– А вы сами какие канты любите больше всего?

– В первую очередь русские и сербские. Грузинские очень люблю, у болгар очень красивые вещи бывают, но всё-таки у сербов покруче. По содержанию, пожалуй, русские и сербские на первом месте.

– Почему?

– Они дополняют друг друга: одни «каются», другие прославляют. Я же человек русской культуры, мне это ближе. Если уж совсем честно, то для меня на первом месте стоит русская культура. Дорожу дружбой с такими великолепными музыкантами, как Сергей Старостин, Дмитрий Парамонов. Это ходячие музеи, которые играют на древних инструментах, знают очень много. Когда их слушаю, ещё раз убеждаюсь в своих предпочтениях.

– У людей искусства, особенно православных, может появляться чувство, что их труд бессмысленный или несёт не так много пользы, как труд других. С вами такое бывает?

– Знаете, у меня что бывает? Есть такая жуткая штука – перфекционизм. Ты постоянно находишь изъяны, и это не даёт покоя. Бывает, человек стоит даже на грани неврастении. Безусловно, это от гордыни, я по себе знаю. Сначала сожалеешь о том, что мог сделать лучше, но не сделал, а потом маятник: «Куда я полез? Что я о себе возомнил?» А это уже страхи.

– И что делать?

– Смиряться. Надо вспомнить о том, что без Бога ты не сделал бы ничего совсем, «проснуться» и спросить себя: «Ты думал, что действительно что-то сам из себя представляешь?» И тут Господь говорит: «Пра-авильно!» и посылает утешение. *(Улыбается.)*

– Создаётся впечатление, что ваша музыка – это такие интеллектуальные эмоции. Как думаете, это присуще фолку вообще или именно духовным кантам?

– Это касается больше духовных кантов, потому что фолк может подразумевать обычное веселье. Однажды мы выступали на празднике, и архимандрит Савва (Тутунов) – строгий ценитель церковного искусства, – представляя нас, сказал, что мы исполняем «паралитургическую музыку». Окололитургическую, иначе говоря. Я тогда удивился, но позже понял – что-то в этом есть. Мои друзья-актёры спрашивали: «Чего ты эмоций не добавляешь, выразительно не поёшь?» И я объяснял, что это не песни о родине или свадьбе – это духовное. Как в храме нельзя читать с эмоциями, чтобы легло на душу каждому, так нельзя эмоциональничать и в этой традиции. Мы имеем право на чувства, и мы выражаем их с помощью звука, но не на эмоции. В этом смысле, если иметь ввиду ещё и содержание, наша музыка действительно паралитургическая.

Ещё понял это по эффекту, который производит наше творчество. Видит Бог, сейчас не хвалюсь – сам диву даюсь. Наши альбомы живут своей жизнью. Нам периодически пишут с разных концов света о том, что мы вытащили человека из депрессии или помогли понять что-то важное. Слушают от младенцев до пожилых людей. Господь заложил в музыку какой-то заряд. Понимаю, что мы имеем минимальное отношение к этому эффекту. Видимо, нам просто удалось сделать что-то правильное.

– Можно ли в этом контексте говорить о миссионерстве?

– Мы избегаем этого заявления и не считаем себя миссионерами, но, обнаруживая миссионерский эффект, воздаём благодарение Богу!

– А те, которые считают себя миссионерами, как думаете, правильно делают? В том случае, если я пою, танцую и говорю, что я миссионер.

– Всё по плодам. Вообще в последнее время я склонен поддерживать всех, кто делает что-либо доброе. Но хорошо делает – не тяп-ляп. Поддерживаю, потому что тех, кто что-то делает, очень мало, в отличие от всевозможных «аналитиков». Главное, чтобы это было не пошло, не ради своего имени что-то этакое отчебучить, а сделать полезное ради Бога.

– Вас чаще приглашают выступать или вы сами устраиваете концерты?

– Нас всегда приглашают. Если нам захочется, то можно, конечно, и специально сделать концерт. Но у нас выработался стиль, который нам очень нравится: мы выступаем не за билеты. Со зрителей деньги не берём, нас приглашают, оплачивают выступление, а для зрителя оно бесплатное, и нас это устраивает. За билеты мы пока не пробовали и, честно говоря, не хотелось бы переходить на эту систему. Надо будет считать, бухгалтера вмешивать – это бытовуха, которой не хочется.

фото из архива Адриана Гусейнова

Адриан Гусейнов.
Солист ансамбля «Ихтис»;
преподаёт в православной
школе-пансионе «Плёсково»;
организовал первый рождественский флешмоб в Москве.

ПРОТИВ ГОПНИЧЕСТВА

– Однажды вы сказали: «Я работаю Адрианом в школе». Что это значит? Для чего нужна эта роль?

– Почти с самого основания школы я участвовал в выстраивании её внутренней жизни. Разные ступени прошёл. Стал здесь и старожилом, и заводилой одновременно. У нас с ребятами складываются доверительные отношения… В общем, получилось так, что я оказался нужен нашей школе. Она без меня обойдётся, конечно, но это будет уже немножко другая школа. Это факт. Исполняю роль неотъемлемой декорации. Поэтому да, я работаю Адрианом, мне дали карт-бланш – делаю что хочу. В хорошем смысле, конечно. *(Улыбается.)*

Разумеется, у меня есть задачи, например профилактика конфликтных ситуаций: вычленять из группы тех, кому плохо, помогать им, разрешать проблемы. Не имею ни психологического, ни педагогического образования, это просто опыт. Моя официальная должность – «куратор по духовно-нравственному воспитанию», просто так назвали. Было время, когда переименовали в «социального педагога», просто чтобы мне не «принцем датским» быть, а потом оказалось, что это подразумевает под собой наличие специального образования. Решили, что буду куратором. Это административная должность, так что меня устраивает.

В 11-м классе преподаю Закон Божий. На самом деле к концу 10-го весь необходимый курс предмета пройден, и мне дают ребят уже для того, чтобы я гото-

вил их к полемике с инославными и иноверными. В какой-то момент мы обнаружили, что ученики знают Закон Божий, но они, во-первых, плохо знакомы с другими религиями, во-вторых, не готовы к полемике – не готовы отстаивать свою веру, когда им приводят заковыристые аргументы. А это очень хорошо делают молодые мусульмане и протестанты.

– Вы учите детей отвечать на вызовы других конфессий, тем не менее у христиан есть такая, на мой взгляд, болезнь – желание влиять. Они становятся навязчивыми, бескомпромиссными, делят всё и всех на белое и чёрное. Что вы делаете для того, чтобы эти дискуссии были адекватны?

– Объясняю: достаточно, чтобы увидели, что вы в теме. На фоне торжествующей поверхностности, если люди увидят, что ты хорошо владеешь темой, сразу заинтересуются твоей точкой зрения. Ещё одно необходимое условие – мудро вести полемику, с любовью. Иначе это будет православное гопничество. Ненавижу религиозное гопничество...

– Расскажите о своей концепции преподавания. Основные пункты.

– Сначала я даю азы нашего представления о Боге – триединство Троицы и двуприродность во Христе, мы это разбираем подробно. Потом провожу семь уроков по семи Вселенским Соборам, потому что там затрагиваются многие полемические вопросы.

А после этого я прихожу на каждый урок в образе какого-либо оппонента и начинаю громить их веру. Захожу, например, как старообрядец с двумя перстами, начинаю осуждать троеперстие и так далее. Не просто обзываюсь, а концептуально предъявляю претензии. Часто говорю о том, чего мы не проходили, и если у учеников рождается правильный ответ, это вызывает общий восторг. Но это сложно, поэтому когда я ставлю ребят в тупик, им кажется, что вера провалена, и оппоненты торжествуют – я даю «ключик». В момент катарсиса «дверь» вдруг открывается, и они понимают, как нужно было действовать.

– И вопрос, который ставит всех в тупик...

– Например, в роли атеиста я говорю: «Вот вы балаболы православные, потому что утверждаете, что прошло 2015 лет от Рождества Христова. Но уже исторически доказано, что император Август, затеявший перепись населения, при которой родился

С ученицами в Плёсково

Христос, умер за 4 года до её начала – 2019 лет назад». А ответ на это очень простой: всё дело в календаре, который нам навязал Пётр I. Эта система летоисчисления была предложена на западе монахом Дионисием Малым и содержала в себе ошибку в 8 лет. Тем не менее указом русского императора предписывалось 1 января 7208 года считать 1 января 1700 года. Согласно этому календарю Христос родился в 5508 году от сотворения мира. А наш прежний календарь гласит, что Христос родился в 5500 году. Вот, соответственно, по церковному учению сейчас 2023 год от Рождества Христова. У нас всё правильно.

– А люди, которые стали вашими педагогами, кто они? Чему научили так, что хватает на всю жизнь?

– Конечно, это мой покойный духовный отец – иерей Андрей. Это покойный владыка Алексий (Фролов), которому я посвятил «Рождественский альбом».

Только отец Андрей, наверное, мог привести меня ко Христу, потому что я был ещё тот крендель, считающий, что «сам с усам». Безмерно ему благодарен.

Батюшка был интеллектуал, мог ответить на те вопросы, которые часто задавали люди моего поколения – все, кто родился в Советском Союзе и в начале 90-х искал Бога. Про батюшку книгу можно писать, и даже его смерть – последний урок. Он говорил: «Даже если падаешь духовно, падай в сторону Бога». А когда батюшку нашли уже бездыханным, он лежал головой на Восток. Умирая, он в буквальном смысле распростёрся в сторону Бога. Это меня тронуло тогда до слёз…

А владыка Алексий – это удивительный, исключительный архиерей. Когда я присутствовал на богослужениях, которые он вёл, то всем существом понимал, что такое «епископ – образ Христа». Просто, что называется, шкурой это чувствовал – не потому что он корчил из себя кого-то, а потому что Господь являл. Это было удивительно!

Очень боюсь их подвести в своей жизни. Заряд, который они дали, бесценен.

– А дети чему вас научили?

– Во-первых, искренности. Надеюсь, научили меня любить. Мне, наверно, за педагогическую деятельность в Царствии Небесном награды не будет, потому что много любви получаю от них уже здесь.

– Школа без * – не школа. Без чего?**

– Без воспитания.

– Что самое дорогое в преподавании для вас?

– Видеть, как человек духовно раскрывается.

– Куда в основном поступают после окончания православной школы?

– Многие поступают в православные ВУЗы, но большинство в светские. В семинарию реже. Священство – это вообще такой спецназ духовный. Уверен, что перед тем, как идти в семинарию, парень должен отслужить в армии или получить высшее образование. Даже не с точки зрения приобретения знаний, а чтобы проверить себя, свою настроенность на этот путь и повзрослеть. Но бывают и такие особенные души, которым можно сразу в семинарию – видишь, что у него всё осознанно, он горит, готов служить.

– Почему вы так аккуратно говорите об идее курсов по боевым искусствам в школе? Хорошая же идея. Ведь есть масса спортивных секций для детей, и никто даже не думает говорить об этом с опаской и оговоркой: мол это не для драки, а для защиты.

– Почему аккуратно? Наоборот, я, будучи в трезвом уме и твёрдой памяти, говорю, что каждый православный мальчик обязан заниматься боевым искусством, если у него нет серьёзных медицинских ограничений. Каждый мальчик должен уметь драться. Хотел бы, чтобы занятия боевыми искусствами были обязательным условием нахождения в пансионе. К сожалению, мне это пока здесь не удаётся организовать – не все родители согласны. Особенно для мам это бывает проблемой: а вдруг сыночек фингал получит? При этом они не понимают, что даже вторую щёку надо подставить не потому, что ты обделался от страха. Ты знаешь, что способен локтем голову снести, но ты христианин, поэтому можешь подставить вторую щёку.

Кроме этого спорт и особенно единоборства, помогают пережить подростковые трудности. Вся моя юность была под знаменем карате. Мне нравилась эта эстетика, и когда ещё в моей жизни не было православия, она мне очень помогла. Прямо

жил этим тогда. Мы не молились, конечно, языческим богам, но кимоно, татами, зал, поклоны – всё это меня собирало, дисциплинировало. Очень благодарен этому периоду жизни.

– Вы как-то сказали о том, что тема чести и благородства стимулирует детей к тому, чтобы становиться лучше. То есть самый важный аргумент для ребёнка – взывание к достоинству, а не, скажем, предупреждение о том, что поступок грешен. Расскажите, почему.

– Когда ещё владыка Алексий участвовал в жизни школы, он запретил упрекать детей православием. Теперь это наше правило. Не нужно говорить: «Ты же православный, как ты мог?» Христианство должно быть над всем этим, оно должно покрывать. Речь надо вести о чести, о благородстве. Когда кто-то из ребят плохо себя поведёт по отношению к девочке, надо сказать: «Ты же мужчина, зачем ты это сделал? Это же настолько неблагородно!» Это работает, потому что это понятней.

Кураев, кажется, говорил о том, что прежде чем обожиться, надо сначала очеловечиться. Следующий этап наступает, когда ты понимаешь, что грех – это не когда тебе с неба дадут палкой по башке, а когда ты сам себе наносишь рану. Не «ты обязан», а «тебе это нужно». Но это всё бывает позже.

– Из вашего интервью: «Схемы работают, но должны быть личности». Значит ли это, что личность – это то, что нарушает схему?

– Это то, что наполняет её, – необходимое топливо.

– Что преподавателю делать с собой, чтобы быть личностью?

– Обязательно призывать помощь Божью. У меня есть свой секрет: когда я берусь за работу, всегда говорю: «Господи, я тупой, я обязательно ошибусь, я сделаю всё не так, поэтому Ты, пожалуйста, мне помоги». Более того – могу ещё и вред нанести. Я сейчас утрирую, но смысл в том, чтобы быть в сотрудничестве с Богом. Это раз. Во-вторых, не бояться попасть в нелепое положение, быть искренним. Ну и обязательно любить детей и свой предмет.

«У меня есть свой секрет: когда я берусь за работу, всегда говорю: «Господи, я тупой, я обязательно ошибусь, я сделаю всё не так, поэтому Ты, пожалуйста, мне помоги»

ЗА «ХОРОШО»

– Флешмобы – это, в общем-то, приятно, но по большому счёту, в чём их смысл? Не будет ли это похоже на историю с «я Шарли»?

– Будет, если это делать ради эпатажа или ради себя. Мы это сделали просто от души. Даже сейчас, когда пересматриваю, мне кажется, что у нас получилось без самолюбования. Это попытка поделиться радостью с окружающими, вот и всё.

Хотелось подвигнуть молодёжь, и вот многие уже делают флешмобы. Правда, были и такие…: флешмоб заканчивается, вдруг выходит протоиерей и говорит: «Этот флешмоб был поздравлением от владыки такого-то». Что за канцелярщина церковная? Или другие: вышли со свечками, надели платки, начали молиться. Вы пришли порадовать людей или показать, что и в торговом центре тоже помолитесь? Но, с другой стороны, без ошибок не бывает.

– Что нужно, чтобы всё прошло удачно? Необходимые моменты и то, чего нельзя допускать.

– Надо обязательно всё продумать. У меня даже инструкция дома есть, потому что часто просят помочь. Очень важно, чтобы у людей был настрой. Для картинки хорошо, если все оденутся в цветастые одежды.

Очень важно не проявлять церковность – без платков и кадил, потому что мы не выходим с богослужением, мы с радостью выходим.

Нужно технически подготовиться: определить точки съёмок, хорошо смонтировать. Важно всё делать хорошо. И петь радостно, а не с мыслью: «Ой, а нас не побьют?»

– Флешмоб заразителен? Часто подключаются люди с улицы?

– Здесь надо понять, что мы не являемся профессиональными флешмоберами, поэтому сложно говорить о каких-то законах. В то же время на двух наших флешмобах люди подключались – подпевали, приветствовали. Главное, делать это не через силу, не через зажатость, а от души. Тогда цепляет.

– Вы часто видите зажатость у православных?

– Да! Конечно. Понятно, что русская культура, в хорошем смысле, стыдлива. Но зажатости происходят от страхов.

Помните, как Господь говорит в Евангелие: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали»? Вот и здесь нужно просто понять, что есть время радоваться от души. Это наша земля, наш праздник, и мы делимся радостью о нём. Надо объяснить человеку, что мы таким образом ничего плохого не делаем – комбинацию мыслей правильно выстроить. А зажатостей хватает, но это преодолимо. Ничего страшного. Главное, чтоб не в ущерб совестливости.

Ещё надо понять, что лучше никак, чем как-нибудь. Понять, что в этот момент ты несёшь ответственность за образ Церкви, за народ, и поэтому нужно выложиться по максимуму. Думать о Боге, а не о себе и своих комплексах.

ПЯТАЯ ТЕМА

– Мы говорили про музыку, преподавание, флешмобы, и всё-таки: что вы делаете лучше всего? Самый полный из даров Господа...

– Ну, полный вряд ли, но, может быть, то, что мне интересны люди, и это не только потому, что человек сам по себе интересен.

Ты встречаешь человека и понимаешь, что перед тобой тайна. Митрополит Антоний Сурожский называл это «таинством ближнего». Интересно, зачем Господь послал тебе эту встречу, зачем Он свёл нас в этой жизни? Что Господь от меня ждёт? Хочет, чтобы я помог человеку, или чтобы научился от него? Что нужно мне отдать или впитать – вот это интересно.

– То, что в пределах страны мы могли бы назвать «национальной идеей», в пределах человека пусть будет «личностной идеей». Ваша «личностная идея», она какая?

– Служение.

– Что это значит?

– Любовь к Богу и ближним, наполнять всё высшим смыслом и стараться делать мир лучше.

– И лучший способ найти эту идею...

– Надо осознать одну простую мысль: меня любит Тот, Кто создал всю вселенную. Он Творец, Он Вседержитель. И Он меня любит больше, чем я себя люблю. Если это понять, то найдёшь такой источник вдохновения, творчества, любви и храбрости! Ты будешь просыпаться и думать: «Что Господь пошлёт мне в этот день? Чем Он сегодня меня умудрит?» Тогда жизнь станет потрясающе интересной! Да, это не избавит от проблем и испытаний, но будет бодрящая осознанность в разрешении этих задач.

В сердцевине твоей жизни будет Бог. Когда в центре жизни суета – это беда. Когда в центре ты сам – это центр без любви, а когда там Бог, то ты понимаешь, что Он и есть Центр, Он – Смысл. Ты понимаешь, что твоя реализация именно в соединении с Творцом. И какие тогда сомнения?! Наоборот, духовно собираешься и понимаешь, что молитва и покаяние действительно приближают к Богу.

Если православные охладевают, начинаются проблемы. И вот уже слышно: стрессы, панические атаки, депрессия... Святые говорят, что мелкие неисповеданные грехи сплетаются в сеть уныния. В общем: «Без Бога не до порога»!

Екатерина Осовская

Галина Адамович

Галина Адамович: «Режиссёр должен уметь рассказывать историю»

Что остаётся за кадром современного белорусского кино? Как турецкие аисты оживили документальный фильм о нашей стране и почему на съёмках фильма «Два Андрея» создателю пришлось плакать самыми разными слезами? Об этом и многом другом «Поколению» рассказала режиссёр-документалист Галина Адамович.

– Галина Валентиновна, как вы считаете, в режиссуру должны приходить исключительно люди с опытом?

– Я считаю, что нет никаких правил. Это могут быть и люди с опытом, и молодые. Нет никаких законов.

– А ваш путь был долгим?

– Для меня долгим. Хотя это как посмотреть… Я всегда хотела поступать в театральный институт, хотела связать жизнь с творчеством. Школу я закончила рано. Конечно, в 16 лет думать про режиссуру не приходилось: в творческий ВУЗ был жёсткий отбор, туда нужно было поступать с каким-то жизненным опытом. Я поступала на актёрский. Не поступила. В том же году был набор в нашей политехнической академии. Если ты успешно сдавал экзамены, то мог оказаться во ВГИКе на специальности «Экономика кино». И почему-то я думала, что если окажусь в Москве, то так или иначе смогу перевестись на режиссёрский факультет, но это была совершеннейшая глупость.

Были экзамены. Я сдала физику и математику, а за сочинение всем автоматически поставили тройки. После этого речь о Москве не шла. Так я оказалась в политехническом на специальности «Строитель гидростанций». Все вокруг поступали, поэтому мне было тяжело сразу решиться забрать

документы. Осталась учиться. С одной стороны, физика, математика, начертательная геометрия, которую я не любила и не хотела учить, но с другой – замечательные практики на гидростанциях, друзья, которые остались навсегда. У нас было 25 мальчиков на 5 девочек. Всё было достаточно весело, пока я не поняла, что это уже профессия. Притом навсегда. На всю жизнь все эти мензурки, перепады воды…

К концу третьего курса меня по-настоящему, даже не в переносном смысле, тошнило от слов с приставкой «гидро-». Знаете, я вспомнила одну замечательную фразу, которая была в учебнике русской литературы в девятом классе: «Добролюбов умер от гражданской скорби». И я поняла, что могу просто умереть, потому что учусь на гидротехника. Документы забрала… А в том году в нашей Академии искусств был первый набор на режиссуру, туда я и поступила.

– А в детстве вы любили кино?

– Я любила всё, что связано с творчеством. Отец занимался фотографией, преподавал в пединституте баян и аккордеон, поэтому с детства в моей жизни была музыка, бесконечные фотосъемки. Потом я окончила музыкальную школу по классу гитары. Это тоже была важная часть жизни. В 80-90-е годы была популярна бардовская песня, и девочка с гитарой – это было хорошо. Интересный круг общения, люди намного старше, и не только в Минске, но и московские, питерские. Мне хотелось петь, я пела много и везде, но потом эта потребность пропала. Теперь я пою только когда либо очень плохо, либо очень хорошо. Я долго думала над тем, чем буду заниматься. Это был достаточно мучительный процесс.

Не могу сказать, что сразу было легко и радостно в Академии искусств. Как у алкоголика: если он три года пил, то потребуется как минимум три года, чтобы прийти в себя. Это любой нарколог вам скажет. Мне кажется, если три года себя предавал, занимался чем-то другим, то должно пройти минимум столько же времени, чтобы ты смог влиться в свою колею. Какие-то вещи у меня не получались достаточно долго, но теоретически я понимала, что могу этим заниматься.

– Сегодня есть момент в кино, который не получается?

– Конечно, есть. Он всегда есть… Нет никаких правил, каждое кино – это «поездка в неизвестность».

– Значит, есть фильмы, которыми вы недовольны?

– Конечно. Вы хотите, чтобы я их назвала? Никогда этого не будет. Знаете, как меня учили? Никогда не говори о себе плохо, это сделают твои коллеги.

– Если бы вы хотели снять кино, которое вызовет резонанс, каким бы оно было?

– У меня нет «списка мечт». Всё, что хочу, я делаю. Даже если бы хотела пожаловаться, не могу. Другой вопрос, как я это делаю, довольна ли я? Но делаю это, абсолютно точно, в меру своих возможностей.

– Знаю, что вы занимались парашютным спортом. Любите рисковать?

– С годами всё меньше. Это же нормально, когда революцию совершают молодые. Сегодня моё желание рисковать сильно зависит от ситуации, от того, в каком я состоянии. А парашютным спортом занималась в политехническом институте, когда уже не хотела ничего. Это был такой мягкий вариант как бы самоубийства. Просто, видите, есть люди, которые могут всю жизнь делать какую-то ерунду, на работе шапки вязать, думать о даче, но я, наверное, не принадлежу к таким. Мне от этого физически плохо, я не могу заниматься делом, которое мне непонятно, которое не люблю. Может, это мой минус.

– Почему минус?

– Потому что есть масса женщин, которые вяжут шапки, со среды начинают думать, как в субботу уедут на дачу, или, например, продают сухофрукты на рынке и нормально чувствуют себя всю жизнь. Понятно, что любая профессия имеет свои плюсы и минусы, но всё равно…

– А ещё говорят, что любая профессия накладывает отпечаток. Какой он в профессии режиссёра?

– Режиссура не самая лучшая профессия в смысле характера, потому что человек привыкает, что у него в подчинении всегда есть люди и он в конце

концов всё решает. Есть примеры режиссёров уже поживших, и что происходит с ними в старости, лучше не видеть. Профессия эгоцентричная, не особенно спасительная для души.

– А никогда не хотелось снять последнее кино?

– А чем потом заниматься? Надо думать, как тогда зарабатывать на жизнь, чтобы не было никакого насилия над собой и чтобы это приносило удовольствие... Всё может быть. На самом деле, ситуация сегодня не хороша для документального кино.

– Документальное кино – это ваш любимый жанр?

– Это моя профессия, специализация, то, что записано у меня в дипломе – «режиссёр документального кино», это то, что я умею делать. Могу ли я снимать игровое кино? Не знаю.

– А хотелось бы?

– Не хотелось бы. И документальное снимать в нашей стране фактически невозможно. Я слишком хорошо знаю ситуацию с кино в Беларуси. А игровое... Вообще не знаю, как они его снимают. Наверное, поэтому оно такое и получается.

– Какие проблемы здесь основные?

– Разрушено кинопроизводство, сама отрасль разрушена, и кино как конечный продукт, собственно, не нужно никому. Понятно, что деньги даются, крутятся цеха, но это работает не на продукт. Работает на поддержание киностудии, зарплаты, но задачи сделать классное кино нет. В документальном проще: у тебя маленькая съёмочная группа, и ты можешь этот процесс контролировать, здесь не те денежные потоки и объёмы. Игровое кино в нашей ситуации чаще всего нужно только режиссёру, если повезёт, ещё и оператору. Но один-два человека не могут всё вытянуть, даже если умрут на съёмочной площадке.

– А документальное кино – это кино без сценария, жизнь как она есть, которую предсказать невозможно?

– Почему же? Если вы почитаете какой-нибудь мой сценарий, то поймете, что он очень близок к сделанному фильму. Хотя о многом не догадываешься, когда пишешь. Просто жизнь оказывается интереснее и богаче, чем ты можешь предположить.

Был, к примеру, сценарий про первый день в детском саду. У меня тогда ребёнок пошёл в сад, и я поняла, что это безумно интересно. Ребёнок, самый любимый, единственный, два года жил в семье в окружении бабушек, мамы, папы, и вдруг его взяли и отвели в чужое пространство, к другим людям. Для ребёнка это огромный стресс. И мне безумно захотелось сделать об этом кино.

Конечно, я понимаю, что происходит в детском саду: какое у них расписание дня, когда приходит мама и так далее, но главное всё равно зависит от конкретного ребёнка. И вот там из 20 детей нашёлся один мальчик, который потрясающе ждал маму. «Потрясающе» в смысле эмоций: он был верный и преданный, не отвлекался ни на что. Других можно было отвлечь игрушкой, музыкой, едой, а этот ждал всё время, целый день.

Однажды на кинофестивале в Берлине мы обсуждали это, и кто-то из иностранцев сказал, что малыш – неврастеник, а другой ответил: «Нет, наоборот, из таких вырастают поэты и очень преданные люди». Конечно, ты пишешь сценарий, продумываешь разные ситуации, но представить себе, как всё получится, ты не можешь, а это и есть самое интересное – то, чем ценно кино. Могу вам рассказать идею фильма за две минуты, но какие у мальчика глаза были, как он держал ручки, как у него скатывалась слеза, я не объясню никогда. Вот для этого, собственно, и существует кино, ведь если можно всё сказать словами, то кино не нужно совсем.

– Вот в фильме «Два Андрея» у вас есть кадр, где девочка пытается зажечь свечу, а у неё не получается... И в ваших фильмах много таких живых моментов. Как удается их «подсмотреть»?

– Это заслуга оператора. Повезло опять же... Знаете, есть такая замечательная фраза о том, что в игровом кино режиссёр – это бог, а в документальном Бог – это режиссёр. И это правда. Вы можете быть готовы, создать ситуацию, наблюдать,

но если что-то не случится сверху и вам не помогут, абсолютно ничего не будет. Вам должно быть позволено это увидеть.

– А как вы пришли к съёмкам православного кино? Это связано с воцерковлением?

– Нет, не связано. Как-то мой знакомый, Витя Копытько, композитор, с которым мы много работали, стал рассказывать про свою одноклассницу Ирину Денисову. Он предложил её в качестве героини для программы «Судьба человека», которая выходила тогда на белорусском телевидении. Программа очень любопытная, потому что всегда интересно, как складывается жизнь человека.

Ирина Денисова воцерковилась через болезнь ребёнка. У неё заболел раком младший сын, от неё ушёл муж, она стала регентом хора в Петро-Павловском соборе. Мы отсняли эту программу, но она не вышла в эфир. Причём я её снимала беременная, на позднем сроке, а приходилось много ездить. Сняли хорошо, но со мной не расплатились, и я сказала: «Раз так, то материал не отдам». Таким образом он был спасён. Если бы программа вышла, его бы просто стёрли и всё, а так очень хороший материал оказался у меня в руках. И я про него всё время помнила.

Прошло, наверное, года три. Программа сменила производителя, мне сказали: «Давай ещё раз смонтируем, у тебя же лежит материал». Я говорю: «Время всё-таки прошло, надо узнать, что происходит сейчас». И мы снова приехали к Ирине Денисовой. И опять в её жизни произошли серьёзные изменения: она постриглась коротко, стала курить, носить розовый свитер… Так получалось, что мы оказывались с камерой в каком-то переломном моменте её жизни.

Поскольку такие сложные вещи происходили с героиней, я не могла брать на себя ответственность их комментировать. Попросила поговорить с её духовником. Поехали к отцу Андрею Лемешонку, очень долго с ним общались, ходили в разговоре по кругу, но у батюшки всегда проскальзывала одна и та же мысль: «Вы видите только внешнее, через три года может быть совсем другое». Через три года она уже была в монастыре.

Мне кажется, что главное достоинство фильма в том, что там есть этот процесс ухода в монастырь. Потому что обычно люди уже в монастыре, и это факт. А вот все метания попробуй ты сними. Попробуй окажись с камерой рядом с человеком, у которого сейчас происходят всевозможные перипетии: обида на мужа, попытка создать семью ещё раз.

– Очень часто православие в кино – это купола, свечки и грустные лица верующих. Как вам удается сломать этот стереотип?

– Сложно это делается. Я часто бываю на православных фестивалях и в жюри, и в качестве участника, там 99 % фильмов невозможно смотреть. Они воздействуют противоположным образом – можно тихо возненавидеть православие. Нельзя плохо делать кино! К сожалению, камеры стали очень доступны, монтаж тоже, многие занимаются этим. Я понимаю, что интересно, но результат чаще всего печальный.

– Что там не так?

– Да всё не так! Рассказывать историю надо уметь. Бывает так: чудесный батюшка – герой фильма, и абсолютно не соответствующий ему автор, не способный понять героя и вообще что бы то ни было. Батюшка не виноват, что его снимает непрофессионал, но фильм-то плохой получается про батюшку. И это ещё вопрос, захочет ли кто-нибудь другой снимать про него фильм.

Каждый режиссёр должен чувствовать ответственность, ведь человек тратит время на твоё кино. Даже когда работаешь в жюри, и то жалко времени. У режиссёра инструмент – он сам, нужно всё время работать над собой. Другого инструмента у него нет, и это, может быть, самое сложное. Режиссёр должен иметь чёткую систему координат и понимать, что хорошо, а что плохо.

– Вы стремитесь сделать кино о вере проповедью?

– Сами батюшки стремятся, потому что они привыкли всё время проповедовать. И это одна из проблем, потому что у священника вся работа происходит через слово. И на монтаже трудно. Они всё время говорят, говорят… Любая проповедь – это полтора часа разговора, служба – два-три, плюс разговоры на подворье. И ты в конце

концов умираешь в словах. Не можешь понять, какое слово важное, какая фраза. Разборки занимают массу времени. Работа над «Двумя Андреями» вообще была одним большим разгребанием слов.

– А как возникла идея фильма «Два Андрея»?

– В стенах монастыря захотели сделать фильм про своего настоятеля – отца Андрея Лемешонка.

– Но получился фильм о двух настоятелях – из Минска и из Костромы...

– Да. Отец Андрей Лемешонок отказывался сниматься один.

– Кроме параллели, которую проводите между двумя людьми, есть ещё один важный момент: в фильме жизнь Церкви показана изнутри, некоторые моменты наверняка могут восприниматься неоднозначно теми, кто далёк от этой среды. Вы не боитесь открывать «закулисье» зрителю?

– Главное, чтоб батюшки не боялись.

«Каждый режиссёр должен чувствовать ответственность, ведь человек тратит время на твоё кино»

– И они не просили ничего вырезать?

– Батюшки – нет, но я знаю, что в церковной среде это у многих вызывает вопросы. И здесь как раз таки играет роль широта мышления священников. На самом деле православие – очень серьезно, и мало кто его понимает и чувствует. Как говорил один батюшка, православие – очень круто. Но спасение – вещь глубоко индивидуальная, каждый сам спасается, нельзя скопом спастись.

Отец Андрей Лемешонок – это не вошло в фильм, к сожалению, – говорил, что когда они воцерковлялись с женой, людей в храме было мало, но это были настоящие верующие, которые приходили несмотря ни на что. А сейчас храмы полны. Мы радуемся, что много прихожан, особенно на праздники, но вот глубина веры – это вопрос. Много ли останется людей, если придётся пострадать? Вот сейчас это можно, но никто не знает, что будет дальше.

Была вещь, которая меня очень сильно удивила. Духовник отца Андрея Лемешонка – отец Николай Гурьянов. Я знаю очень многих людей, которые обращались к нему с вопросами. Отец Андрей тоже ездил на остров Залит постоянно. Я спросила: «А вы задавали вопросы отцу Николаю?» Он ответил: «Я не спрашивал, потому что видел, как люди задают вопрос и не слышат ответ!» И это очень страшно. Чаще всего так и происходит, я вижу даже по близким людям. Должно что-то произойти с человеком внутри, потому что очень немногие могут услышать правду и измениться грандиозно. Мало кто способен на такие виражи, как герои фильмов «Инокиня» или «Два Андрея», которые выросли в советских семьях. Говорю это и про себя.

– Галина Валентиновна, а можете вспомнить ситуацию, в которой вы подумали, что перед вами результат Промысла Божия?

– Промысел Божий даже в том, что эти фильмы были начаты, сняты и теперь живут своей жизнью, потому что есть миллион поводов для того, чтобы этого вообще не было. Вот даже то, что мы получили разрешение на показ и продажу «Двух Андреев» Издательским советом Русской Православной Церкви в Москве – промысел. Я внутренне была готова к отказу.

– Почему?

– С точки зрения канонического православия там есть к чему придраться. К примеру, нельзя снимать в алтаре, более того, священники там разговаривают. Понятное дело, что меня там не было, был оператор, но тем не менее.

– Такое кино будет интересно не только верующим?

– А верующим чего смотреть? Пусть молятся. Такое кино нужно людям, которые на распутье. Чаще всего люди мечутся, и им нужна какая-то помощь и поддержка. Человеку, который нашёл Бога, это будет уже ни к чему.

– А можете рассказать о своём пути к Богу?

– Нет.

– Закрытая тема?

– Нет, как раз таки открытая. И ничего интересного там нет. У меня не возникает сомнений, есть Бог или нет, но назвать себя нормальным православным человеком тоже не могу. Я не хожу каждое воскресенье в храм, исповедуюсь крайне нерегулярно и, как большинство людей, прибегаю к Богу, только когда мне что-то надо. Я понимаю, что огромное количество вещей в моей жизни происходит по милости Божьей. И я это всё время чувствую, но когда приду окончательно, вопрос сложный. Мне бы не хотелось, чтобы это было через болезни близких… У мужчин вот бывает мгновенная встреча с Богом, у женщин как-то по-другому.

– Отчего это происходит?

– Наверное, потому что мы разные, но я знаю мужчин, которые случайно зашли в храм и моментально воцерковились. Так было у отца Андрея Лемешонка. Есть у меня и знакомый художник, который стал иконописцем. А вот женщины не знаю ни одной.

– Всегда интересно, что остаётся за кадром. А что осталось за кадром «Двух Андреев»?

– Много чего… Но я всё равно этого не расскажу, потому что если оно не вошло в фильм, значит, нельзя. Было много интересного и сложного, опять же – того, что Господь мне позволил увидеть, но я не посчитала возможным это показать.

– Какие-то явные чудеса?

– Кроме чудес есть и сложности… Каждое кино – отдельная жизнь, и хорошо, что это так. Никакое кино не будет воздействовать на зрителя, если в него не вложено огромное количество энергии. У меня иногда ощущение, что пока фильм не «напьётся моей крови», то он и не оживёт.

На «Двух Андреях» я так разнообразно плакала, как никогда, какими-то разными слезами – от умиления до отчаяния. Это были бесконечные слёзы перед компьютером. Не могу сказать, что всё получилось – я хорошо вижу, что не вышло, не срослось, – но я понимаю и то, какие сильные вещи там есть, как они воздействуют. В этом году в Киеве на фестивале «Покров» Егор Бенкендорф, председатель совета директоров украинского телеканала «Интер», решил в честь своего отца-режиссёра ввести новый приз и дать его тому, кому захочет. В конкурсе участвовало 50 фильмов, он мог выбрать и анимационное, и игровое кино, поэтому для меня было совершенно неожиданно, что победили «Два Андрея». А с другой стороны, я понимаю почему: мало в какое кино было вложено столько, поэтому Слава Богу и за это тоже.

– Галина Валентиновна, а вы смотрите кино как зритель?

– Сериалы не смотрю, потому что нет времени, но, например, «Оттепель» и «Уходящую натуру» посмотрела, потому что это кино с очень интересным сюжетом, к тому же его делали знакомые. Чаще всего на фестивалях смотрю документальное кино. В первую очередь для того, чтобы понимать, что происходит в России, Польше, Литве, что нового появляется.

– Вы недавно сняли фильм «Беларусь документальная». Можете рассказать, какие ожидания оправдались, какие нет?

– Это кино строилось на документальных фильмах студии «Летопись», которые снимались последние лет 25. С одной стороны, было интересно посмотреть на историю страны через призму документального кино, с другой – пришлось выбрать из множества фильмов те, на которых надо было всё строить. За 20 последних лет много всего произошло, и надо было определить, о чём мы говорим, а о чём нет. Ведь в 50 минут ты не можешь вместить всё, тем не менее это было очень любопытно.

Во-первых, есть безусловное движение вперед в стране, потому что сама независимость дала очень сильный толчок. К примеру, Юрий Горулёв, теперь директор Международного фестиваля христианского кино «Магнификат», в 90-е годы снимал фильм про хирурга Островского. Страна была разрушена, денег не было совсем, но были хорошие хирурги, которые делали своё дело. А сегодня Островский – это кардиохирург, который делает пересадку сердца. Теперь это другие технологии, другой уровень медицины.

Или та же атомная станция. Можно долго спорить, нужна она нам или нет, но когда ты приезжаешь и видишь, как пять тысяч мужиков «жужжат» и строят атомную станцию, то понимаешь, какая это мощь – они создают новую отрасль.

В фильме было много вещей, о которых я не знала, когда писала сценарий. К примеру, мы приехали в СПК «Остромечево», а у них в колхозном баре висят оригинальные фотографии из космоса. Оказывается, Алексей Скакун, руководитель СПК, дружит с Петром Климуком уже много лет. И Климук привёз ему эти фотографии. В фильме это был совершенно неожиданный переход с агропромышленного комплекса на космос. Очень элегантно.

Мы снимали в Турции, потому что это первая страна, которая признала нашу независимость. Надо было просто снять мечеть как символ Турции. Ехали на скорости, и тут оператор просит остановиться. Это была случайная мечеть. И пока мы ставили штатив и камеру, вдруг на этой мечети появились аисты: там было гнездо с аистятами. И это тоже было очень трогательно и эмоционально. Кадр западает в душу абсолютно всем – эти три аистёнка на мечети с полумесяцем… Много было вещей совершенно неожиданных, благодаря которым понимаешь, что делаешь нужное дело, как бы ни было трудно.

СПРАВКА

Галина Валентиновна Адамович. Родилась в Минске. В 1994 закончила Белорусскую Академию искусств по специальности «режиссура документального кино» (художественный руководитель – Виктор Дашук).

Начала работу на Национальной киностудии «Беларусьфильм», белорусских телеканалах. Член Белорусского Союза кинематографистов. В её копилке несколько десятков документальных фильмов, которые принесли режиссёру победы на международных кинофестивалях. Среди них – «Заведёнка» (2005) – фильм, отмеченный более чем десятком наград, «Мама придёт!» (2007), «Алесь Адамович. Путешествия из Минска в Москву и обратно» (2007), «Дар» (2009). Фильм «Инокиня» (2010) получил сразу два Гран-при – на VI Международном православном Сретенском кинофестивале «Встреча» и на XX Открытом фестивале документального кино «Россия», а также награду Блаженнейшего Владимира Митрополита Киевского и Всея Украины и Диплом «За лучшую операторскую работу» на X Киевском Международном фестивале документальных фильмов «Kinolitopys».

На XI Международном фестивале христианских фильмов «Magnificat-2015» (Беларусь) жюри признало «Два Андрея» (2014) лучшим документальным фильмом. Также эта картина получила премию Сергея Лосева за лучшую режиссуру и специальный приз Андрея Бенкендорфа на XIII Международном фестивале православного кино «Покров-2015» (Украина).

Журнал “Поколение”
№ 2 (11) 2015

Издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Артемия, архиепископа Гродненского и Волковысского

Учредитель: Гродненская епархия Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1630 от 23. 05. 2013, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Попечитель: иерей Антоний Семилет

Главный редактор: Елена Бабич

Редакционная коллегия: Ольга Агапонова, Ольга Аксёнова, Певел и Анна Буй, Мария Дубровская, Екатерина Осовская, диакон Дмиртий Павлюкевич, Лилия Шмуратко, Екатерина Яковчик

Компьютерная вёрстка: Елена Бабич

Корректор: Лилия Шмуратко

Авторы статей номера: Елена Бабич, священник Алексей Васин, Анна Дудкова, Сергей Комаров, Артур Комаровский, Екатерина Осовская, диакон Дмитрий Павлюкевич

Использованы фото: Елены Бабич, Юрия Деглау, Игоря Ждановича, Юлии Каптур, Сергея Чапнина, softenedbell.blogspot.ru

Адрес: Республика Беларусь, 230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 23

Электронный ящик редакции: pokolenie-red@tut.by
Электронный адрес: поколение.бел
Адрес “Вконтакте”: vk.com/pokolenie_by

Журнал “Поколение” №11
Подписано в печать 17. 11. 2015.
Формат 60х90/8. Бумага мелованная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,50. Усл. изд. л. 12,60.
Тираж 550 экз. Заказ 7543.

Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие «Гродненская типография».
ЛП № 02330/0552745 от 25.02.2009.
Ул. Полиграфистов, 4, 230025, Гродно.

Электронный адрес: ПОКОЛЕНИЕ.БЕЛ

Подключайтесь к обсуждению номера «Вконтакте»
vk.com/pokolenie_by

